

Материалы по шаманству у телеутов¹

Н. П. Дыренкова

Шаманские бубны, описанию которых посвящена настоящая работа, принадлежали шаману — телеуту Канакаю — Николаю Алексеевичу Чолухоеву из рода ютты (колл. № 2014-1, рис. 1 и 2) и телеутской шаманке Пёдёк — Федосье Степановне Тыдыковой, урожденной Тодышевой — род отца ютты, род мужа — чорос (колл. № 2014-3, рис. 3—4, фото на рис. 5), жившим в улусе Чолухой, бывш. Томской губ., Кузнецкого уезда, нынешнего Бековского сельсовета, Беловского района, Новосибирской области.

Бубны переданы в Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР Андреем Викторовичем Анохиным, этнографом и исследователем Алтая, в 1912 г. и зарегистрированы на основании данных собирателя.

В основе нашего описания лежит описание МАЭ коллекции № 2014 и сведения, полученные нами об этих бубнах и их владельцах шаманах, от брата шамана Канакая — Степана Алексеевича Чолухоева и сына шаманки Пёдёк — Степана Тыдыкова, а также от Романа Алексеевича Клопотина, участвовавшего прежде в шаманских камланиях в качестве помощника шамана (тäm кошјатан кїж) и потому хорошо знакомого с шаманской обрядностью. Ими же сделаны приводимые ниже рисунки бубнов рис. 6 и 7 и от них же записано камлание при получении шаманом нового бубна.

Согласно описи Музея и рассказам телеутов бубны эти получены от шаманов Канакая и Пёдёк А. В. Анохиным летом 1911 г. в улусе Чолухой при жизни этих шаманов (Канакай умер в 1914 г., Пёдёк — в 1929 г.).

¹ От редакции. Публикация материалов по шаманству телеутов, собранных Н. П. Дыренковой в 1931 г., вызвана их большой научной ценностью для этнографии народов Сибири. Эти материалы являются уникальными, так как шаманство у телеутов в настоящее время исчезло. Они представляют большой интерес также для лингвистов и фольклористов. Автор представил в свое время записанные телеутские тексты в латинской транскрипции. Редакция сочла необходимым заменить эту транскрипцию обычной академической, основанной на русском алфавите. Работа по замене транскрипции и сверке с переводом выполнена А. И. Новиковым.

О первом бубне № 2014-1 в описи сказано: „был в употреблении 16 лет. Железные перекладины и подвески новые“, о бубне № 2014-3: „перекладины и подвески новые“. Таким образом, ясно, что оба бубна даны А. В. Анохину самими шаманами, а не взяты им с могилы шамана, как это имеет место с большинством бубнов в собраниях музеев. Шаманы передали А. В. Анохину свои старые бубны после того, как они получили новые (при обряде получения нового бубна); изуважения, видимо, к А. В. Анохину, они отдали свои бубны с рукоятками, хотя, как правило, при обмене бубна шаману делают заново лишь обечайку, а металлические части и рукоятка бубна остаются старые. Надо отметить, что у одного бубна (2014-1) прорезана кожа, а это делается, по правилу, после смерти шамана — владельца бубна. Возможно, в данном случае шаман сам, передавая свой бубен собирателю, прорезал кожу, чтобы духи покинули этот бубен и не ушли с бубном, увозимым собирателем.

Настоящие бубны являются последними бубнами последних телеутских шаманов.¹

Рис. 5. Шаманка с бубном.

„угодный духам“, т. е. угодный шаману, „закаивался, по его настоянию, в жертву духу“. Лучшие куски мяса, как и шкура, шли в пользу шамана. Еще В. В. Радлов в 1861 г. писал о телеутских шаманах: „Мнимое исцеление больных происходит следующим образом. Призванный шаман осматривает больного и затем назначает день жертвоприношения и жертвенное животное: обычно он выбирает очень жирную хорошую лошадь. После жертвоприношения шаман получает в подарок вторую лошадь. Это бесполезное жертвоприношение стоит людям больших денег, а иной на этом совсем разоряется. Мой казак рассказал мне об одном слепом, который имел табун в 500 коней и созывал всех где-либо прославленных шаманов, чтобы при помощи

I

Шаманство достигло у телеутов высокой стадии развития, оно успело превратиться в профессию: шаманская служба оплачивалась. Существовал весьма развитый ритуал.

Шаманы, являясь эксплоататорами своих сородичей, требовали платы за камлания деньгами или скотом. Скот,

¹ В целях удобства изложения отдельные части описания даны в настоящем времени.

их искусства стать зрячим. Этот человек все еще слепой, но его табуны исчезли, и сам он, обедневший, лежит в жалком состоянии в своей лачуге".¹

Телеутское шаманство, однако, сохраняло пережиточно свой первоначальный родовой характер. Шаманский дар передавался в роде — сёök'е — шамана. По представлению телеутов, духи умершего шамана искали и выбирали себе нового шамана среди его родственников, мужчин или женщин, в его же роде. Отмечены случаи, когда шаманский дар наследственно переходил от тај'я — брата матери — к ѹїäн — племяннику.

Считалось, что каждый шаман должен был быть предопределен к своему служению самим Ульгенем:

„Үлгәнниң сабыр өткік јок ползо, кам қајдаң полуп камдајтан? — если нет бумаги — письма Ульгена — шаман как станет камлать?“ — говорили телеуты.

Призыв к шаманскому служению обнаруживался особым приступом „шаманской болезни“, который осмыслился телеутами, как принуждение духа — төс пасјат —

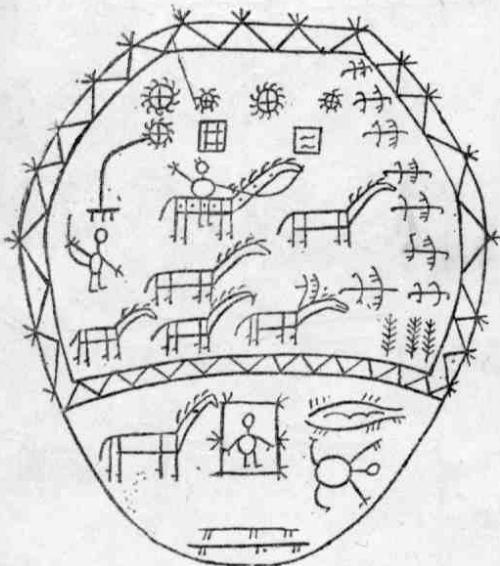

Рис. 6. Рисунки на бубне (рисунки сделаны телеутами).

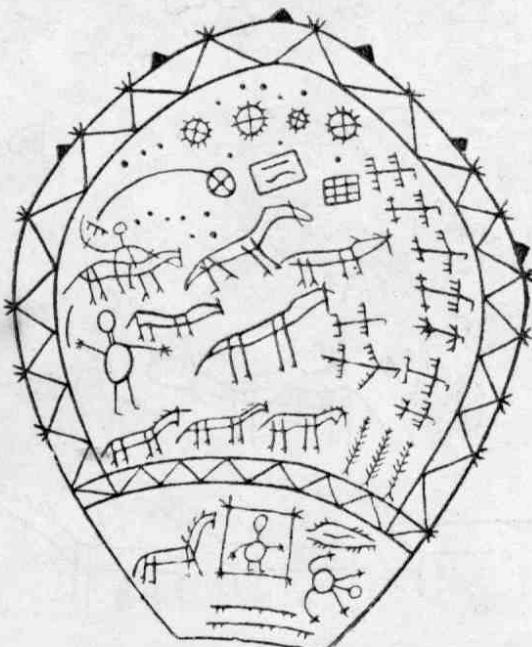

Рис. 7. Рисунки на бубне (рисунки сделаны телеутами).

„дух давит“, т. е. наступает на избранного им. Момент этот происходил примерно на пятнадцатом-восемнадцатом году жизни будущего шамана или шаманки. В этот период шаман назывался паскынкам, т. е. буквально — „принуждаемый, давимый шаман“. Позже, став уже шаманом и совершая камлания, шаманы в призываиях говорили о себе: „кам Кобордаң күжурғам, кам Пёнок пажылғам — из-за шамана Кобора я мучился и болел безумием (буквально — „я бегал и крутился, как вихрь“), шаман Пёнок меня давил...“ (слова шамана Канакая).

В течение этой болезни, продолжавшейся иногда год и даже больше, шаман по представлению телеутов, попадал во власть духов, которые его „пересотворяли“ (јајалџан — буквально — „быть сотворенным“). У каждого шамана поэтому был свой дух, которого он называл „Мән јајалџаным“ — „мой пересотворитель“.

Духи варили, будто бы, шамана в особом котле, разрезали его мясо и долго и внимательно пересматривали и пересчитывали его кости. Если у кандидата в шаманы нехватало одной кости, он должен был умереть, если находилась лишняя кость, как бы он ни сопротивлялся, он становился шаманом.

¹ W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Erman. Archiv für ethnographische Kunde von Russland. 1861, XX, стр. 587.

В этот период, когда будущего шамана тёс пасёт — „дух давит“, шаман подвергался тяжелым приступам — припадкам болезни (кам полуп ойжырап јат), он лежал и пел и бесчисленно выкрикивал, неожиданно вскакивал и, надолго исчезая из дома, бродил по окрестностям. С закрытыми глазами, в полуосознании, шаман убегал куда попало.

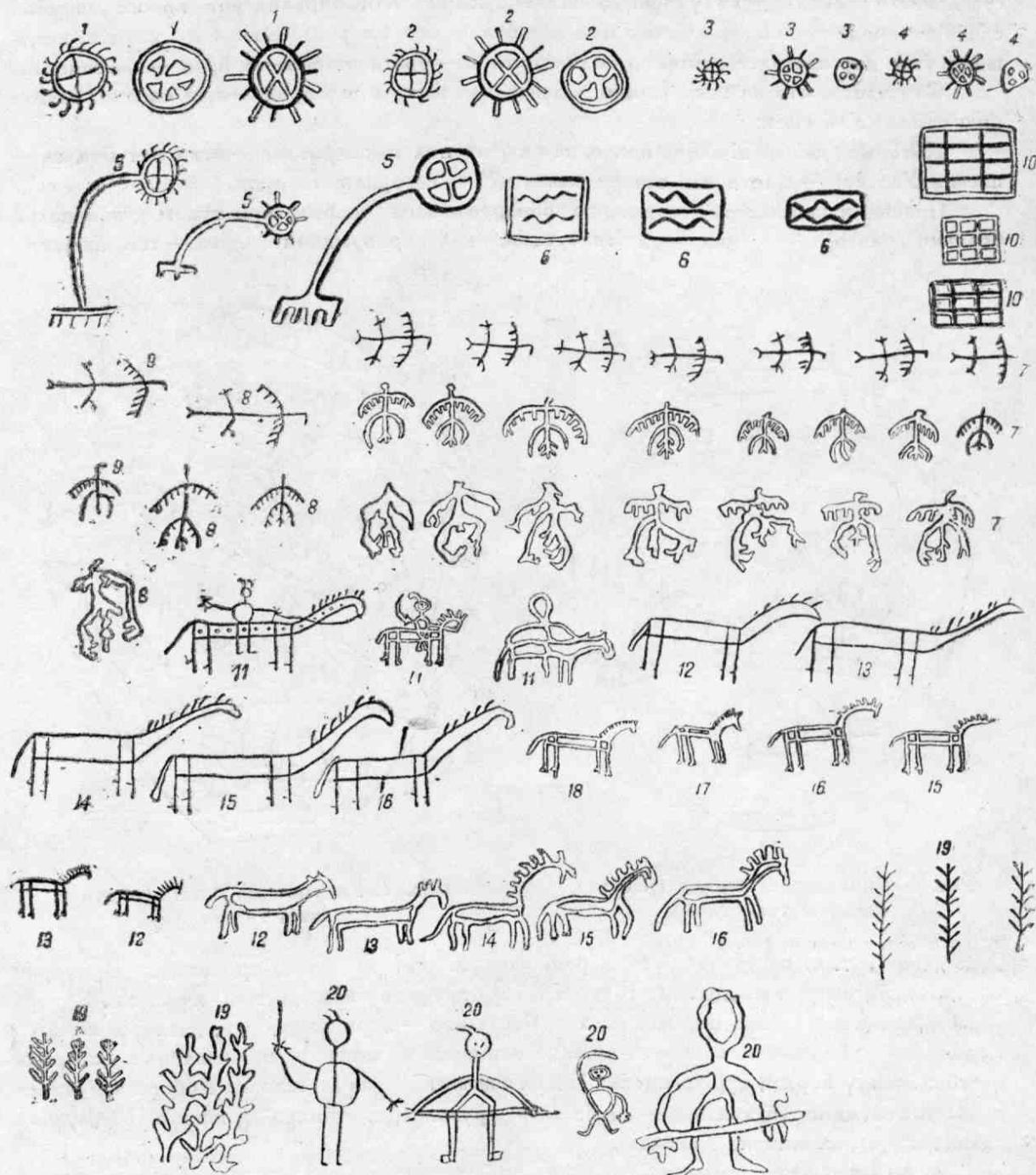

Рис. 8. Детали рисунков на бубнах.

и бегал, где попало. Кам күбүрјат — буквально „шаман безумствует, шаман вихрится“ (т. е. развевается — мчится, как вихрь), — говорили про такого начинаяшего шамана телеуты.

Родные, часто не желавшие, чтобы их родственник стал шаманом, принимали соответственные меры, чтобы оградить, его от наступающих, претендующих на него духов — тс'ов. Наиболее эффективными мерами считались: накрыть его женскими штанами, положить под кровать, на которой спит женщина, или спустить в подполье, т. е. так или иначе ввести больного в соприкосновение с женским

костюмом (штаны) или местом, оскверненным присутствием женщины (подполье).¹ Самым сильным средством считали менструа. Таким образом, существовало представление, что женщина и всё, что связано с ней, особенно с ее половой жизнью, оскверняет и, следовательно, отгоняет духов. Несмотря на это, сама женщина могла быть шаманкой. Девушка-шаманка, выходя замуж, рожая детей, также не теряла шаманского дара.²

В том случае, когда ничто не помогало и молодой шаман продолжал болеть, „сходить с ума“, родственники договаривались между собой и устраивали особый обряд—путудар, буквально — „пар хватать, держать“.³

Обряд этот мог быть совершаем только весной или осенью, непременно в начале месяца или в новолуние, но ни в коем случае не на ущербе месяца. Он повторялся, обычно, несколько раз и состоял в следующем: приготавливали пресные лепешки чёк тарт-чачи, в первый раз совершения обряда — пять штук, во второй — семь, в третий — девять,

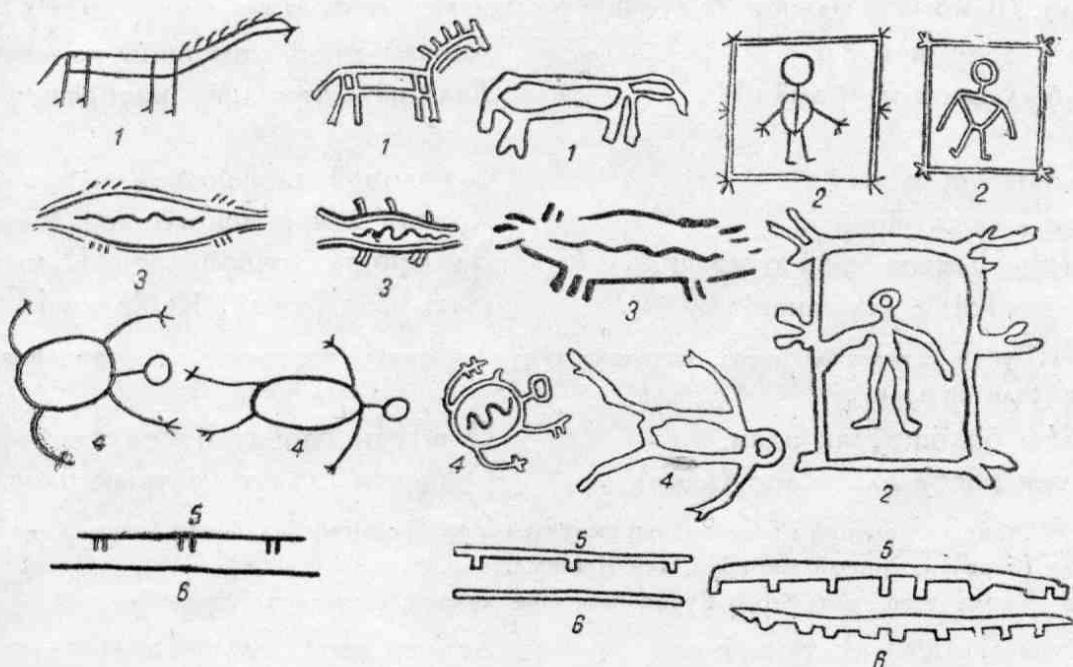

Рис. 9. Детали рисунков на бубнах.

в четвертый — двенадцать, в пятый — пятнадцать; на шестой раз приготавлялось мясо. Приглашали опытного шамана или двух. Приглашенный шаман садился на лавку рядом со своим учеником — будущим шаманом — и обучал его шаманскому искусству. Рядом с ними на скамейку в переднем углу ставилось корытце — тэпши — с лепешками или мясом.

Ученик шаман поднимал тэпши, поворачивал его „по солнцу“. Угощая духов, он произносил обращения к ним, повторяя слова обращения вслед за своим учителем шаманом. Во время этого обряда молодой шаман призывал духов — тёс'ов — своих предков — шаманов, называя их всех по именам, затем произносил обращения ко всем земным

¹ Подполье уже по одному тому считалось нечистым, что женщина ходит по полу, т. е. над подпольем, она же чаще всего спускается в подполье.

² Для женщины-шаманки запретно было лишь камлание Ульгеню, особенно после замужества. Переходя после брака в род мужа (экзогамия), женщина оставалась в нем чужеродной и, как таковая, не имела права участвовать в родовом культе, а тем более совершать жертвоприношение главному родовому духу — Ульгеню.

³ Пүкәлә бәді — пар идет (когда гонят водку). Возможно, название этого обряда происходит из представления, что духи питаются паром от приносимой им жертвы.

духам — јар-јол — и небесным духам — пајана (обращения эти см. ниже). Происходило своего рода обучение нового шамана старым, более опытным и умелым в обращении с духами.

Бубен шаман получал не сразу, а только после того, как дух, его пересотворивший, давал ему приказание сделать бубен. Бывали случаи, когда шаман камдал несколько лет, и даже всю жизнь, без бубна, с одной только колотушкой.

Колотушка — орбу — делалась из таволги (табылъы) и обтягивалась камусами с ног дикой козы (älik пычкабы).

В шаманских призываиях колотушку называют „таш орбу“ — каменная колотушка, по той будто бы причине, что при изготовлении ее под шкуру подкладывали небольшой камешек. К вновь изготовленной орбу привязывали три ленты — подосы материи: хозяину орбу — орбу — äzi Тојлүңанý, Сом адазы, Йöökан'у и Пörүчі-кан'у.

Впоследствии к этим лентам (тү) присоединяли другие; их привязывали те лица, у которых шаман совершил камлания.

Вновь сделанную колотушку шаман должен был показать хозяину орбу — Тојлу-кан'у. Шаман обращался к Тојлу-кан'у со следующими словами:

Таш орбумиң äzi,
Табылъымның сүрмәді!

Карлыгаш пашту,
Кан кызыл јар äzi,
Сары Чымыш кәзә отурған,
Äнäm Тојлу, Кајракан!

Хозяин моей каменной колотушки,
Талины — таволги изображение —
образ!

С головой ласточки
Хозяин хан красного яра (берега)!
Владеющая рекой Сары Чымышем,
Мать моя Тойлу, Кајракан!

Бубен у телеутов носил название түңүр¹ и чолұ² в шаманских призываиях его называли ак адан.

Алты ёркөштү ак адан,
Алты көстү ала Марс (барс).

О шести горbach бубен,
О шести глазах пестрый барс.

Главным хозяином всех бубнов считался мар äzi аյыр јалды-кан Кычкыл — хозяин мара (барса) с гривой жеребца, хан Кычкыл.

Кроме того, у каждого бубна был еще хозяин, сын хана Кычкыл'a:

Аýым мардың ak тајлык,

Белого мара белый Тайлык — моло-
дой конь,

Кöчүн мардың кök тајлык

Синего мара синий Тайлык — моло-
дой конь,

Ak аданның äzi кан,
Ала барстың сүрмәді кан.

Белого бубна хозяин кан,
Пестрого барса изображение —
хан!

¹ В. Вербицкий. Словарь алтайского и алтадагского наречия. Казань, 1884, стр. 384: „түңүр (телеуты) — бубен шаманский — барабан, обтянутый с одной стороны кожей маральей или конской, с другой стороны бубна приделывается рукоятка и привешиваются металлические погремушки; с наружной стороны бубен разрисовывается. К бубну алтайцы питают более уважения и страха, чем к самому шаману, веря, что в бубне живет дух — хозяин его (түңүр äzi) и что при камлании собираются туда духи, приываемые камом (чалулар тостори). Все части бубна и разрисовка его имеют значение. Изготавляемый бубен освящается особым образом, при собрании народном, жертвоприношении и общей попойке. По смерти кама бубен привешивается возле могилы его или с почтением сохраняется в юрте родственниками его или относится в лесную чащу и вешается на дерево“. — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1903, т. III, стр. 1543.

² В. Вербицкий, ук. соч., стр. 422: „чалу (тел.) — бубен шаманский“. — В. В. Радлов, ук. соч., стр. 1884: „чалу (алт.) — шаманский бубен, идол“.

Вот почему во время камлания шаман обращался к хозяину своего бубна, часто говорил „ак аданың äläpi“ — хозяева бубна (мн. число от ä — хозяин), вместо „ак аданың äzï“ — хозяин бубна:

Ак аданың äläpi,
Ала барстың сүрмättäri,
Ала барсың kää туткар,
Ак аданы пош салбагар!

Хозяева белого бубна,
Изображения — облики пестрой ру-
коятки,
Пестрый барс — рукоятку крепко
держите,
Белый бубен не выпускайте — не
отпускайте!

Любопытен образ хозяина бубна äjýyr јалдۇ хан Кычкыл — хан Кычкыл, „имеющий гриву жеребца“, указывающий на сохранившееся у телеутов представление о бубне — как о верховом животном шамана — его коне или олене, отмеченное у ряда других народностей Сибири.¹ Осмысление бубна, как коня, на котором шаман совершал свои далекие поездки к духам, выявляется и из обращения шамана к его бубну во время камлания:²

Алты örköштү ак аданым,
Арка мојнын пош салба,
Адабистің ары јолдо,

Адар таңга äш полzon!

Алты көстү ала барсым,

Ала барсты kää тутсаң!

Шестигорбый мой белый бубен,
Спина и шея твои пусть не ослабнут!
О, если бы на чистом пути отца
нашего

До утренней зари товарищем и
спутником ты был!

О, если бы, шестиглазый пестрый
барс,

Пеструю рукоятку ты крепко дер-
жал!

Когда на пути к тому или другому духу бубен — конь спутник — товарищ (äш) шамана уставал, шаман заменял его птицами, а коня отправлял „подкрепиться“ на гору Сүрүн к молочному озеру сүт ак-кöl:

Сүт ak köldöң суңат ал,
Сүрүн тұдаң jämэў ал.

Из бело-молочного озера пей,
С горы Сюрюн бери себе пищу.

или же отправлял его отдохнуть к себе домой:

Алты örköштү ак аданымның,
Арка мојны пожој түштү.

Моего белого бубна о шести горбах
Шея и спина ослабли,

¹ Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этнография, 1935, № 5—6.

² Возможно, подтверждением этого представления о бубне, как о коне шамана служит и название чалу äzï — хозяина бубна ак Мардың ак тайлық — „белого мара белый тайлык“. Значение слова тайлык в настоящее время утеряно, но некоторые телеуты склонны объяснять его, как „молодой конь“ от „тай“. Ср.: Вербицкий. Словарь алтайского и алдагского наречия, стр. 326: „тай — жеребенок со второй весны.“

Ак аланчыкка ајлан-көрзін,
Арка-ба тојнын тыныдын көрзін!

Пусть к белому аланчику¹ — жили-
щу (моему) он вернется,
Спина и шея его пусть окрепнут —
отдохнут!

Хозяину бубна, чалу әзі или мар әзі, шаман должен был совершить первое камлание при изготовлении бубна, ему шаман должен был прежде всех показать свой новый бубен (см. ниже).

Дух, „пересотворивший“ шамана, назначает время, когда надо сделать бубен, и определяет каждому шаману то количество бубнов, которое тот сможет иметь в течение своей жизни.

Бубен может быть сделан весной или осенью и непременно в начале месяца или в полнолуние. Запрещается делать бубен в конце месяца как зимой, так и летом.²

В изготовлении бубна принимают участие, обычно, сородичи шамана; разрешалось участвовать в этом деле и чужим. Участие тая — дяди с материнской стороны и, вообще, родни матери, считалось желательным, но не обязательным.

Делают бубен из дерева, кожи и железа.

Бубен состоит из следующих частей: 1) деревянной обечайки; 2) кожи, натянутой на обечайку; 3) деревянной вертикальной перекладины — ручки; 4) горизонтального железного прута, проходящего сквозь вертикальную перекладину; 5) железных привесок, нанизанных на горизонтальный прут и прикрепленных к обечайке.

Бубен № 2014-1 имеет следующие размеры: окружность 182 см, радиус (по вертикали) 68 см и (по горизонтали) 55 см, длина рукоятки 64 см, ширина рукоятки $6\frac{1}{2}$ см, ширина обечайки $9\frac{1}{2}$ см (рис. 1).

Бубен № 2014-3 имеет следующие размеры: окружность 183 см, радиус (по вертикали) 60 см и (по горизонтали) 55 см, длина рукоятки 57 см, ширина $5\frac{1}{2}$ см, ширина обечайки $10\frac{1}{2}$ см (рис. 3).

Обечайка бубна каш (край) или курчу (обруч) делается из кедра (кујук). На наружной поверхности под кожу кладется шесть деревянных полуширообразных деревяшек, которые образуют возвышения — ёркёш, т. е. горб; они служат резонаторами. Вот почему шаман называет свой бубен „алты ёркёштү“ ак аданим³ — „мой бубен о шести горbach“.

Вертикальная перекладина бубна — барс (барс) делается из бересы (кајың). В том месте, где шаман берется за перекладину рукой, барс суживается, образуя рукоятку бубна. Ниже и выше этого суженного места на лопастях рукоятки просверливают отверстия (около 50 в верхней части, и около 40 — в нижней).⁴ Эти отверстия осмысливались как глаза барса, почему в шаманских призывах рукоятка бубна называется „алты көстү ала барс“ — шестиглазый пестрый барс.⁴

Во время камланий шаман просит хозяина бубна: „чалу әзі“ — „крепко держать рукоятку бубна.“

Ак аданимның әзі,
Ала парстың сүрмәді,
Аңы мардың көк Тајлық,

Хозяин белого бубна моего,
Пестрого барса изображение —
образ,
Белого мар’а синий Тайлык — моло-
дой конь,

¹ Аланчик — конусообразная юрта, прежнее жилище телеутов.

² Тунҹушај — замкнутые месяцы, т. е. три зимних и три летних месяца.

³ В эти отверстия при камлании јаңыс сом’у шаман невидимо продевает двадцать нитей. Это означает, что двадцать мастерий, живущих у земной щели, зашивают эту щель.

⁴ Рукоятка шаманского бубна телеутов отличается от рукоятки алтайских шаманских бубнов, представляющих антропоморфное изображение хозяина бубна. В. В. Радлов писал: „Шаман показал мне в телеутской деревне по р. Ур в десяти км от сел. Чолухоя свой бубен, который был отличен от алтайского“ (Reize durch den Altai A. Ermann. Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland).

Ајыр јалдұ кан-Кычкыл,

С гривой жеребца, кан Кычкыл,

Ала парсың кәзә тутсаң!

О, если бы ты рукоятку пестрого
барса крепко держал!

Из железа делается металлический прут, проходящий сквозь рукоятку бубна и носящий название кіріш (тетива). Кириш по краям имеет утолщения. Между каждым утолщением и обечайкой свободно двигаются железные привески (күмә), которые осмысяются шаманом как стрелы. К верхней части обечайки с внутренней стороны прикрепляются на железных кольцах, по три с каждой стороны, железные полуулунные пластинки — кылыш, т. е. сабля. Название поперечной перекладины бубна кіріш — тетива, как и осмысление металлических подвесок, в качестве стрел, — указывает на связь представления о бубне с представлением о луке и стреле. Это подтверждается и тем, что, по представлению телеутского шамана, шаман, держа бубен, может отпугивать звоном подвесок бубна, ударами по коже бубна, злых, неугодных ему духов. К кіріш'у подвешиваются с обеих сторон барса по две ленты (жалама) (рис. 1 и 3).

На покрышку бубна идет обычно кожа жеребенка.¹ Кожа натягивается с одной стороны бубна (пүдүжі), покрывает обечайку с наружной поверхности и затягивается особым швом с другой стороны бубна (түбү).

Духи во время припадка шамана или во сне дают ему указание сделать бубен² и указывают, в каком именно месте растут предназначенные для его бубна деревья, кедр и береза, и где, в каком стаде, пасется лошадь, шкура которой предназначена на покрышку его бубна. Как правило, за деревьями и за конем надо всегда ехать на восток. Деревья же должны расти на восточном склоне горы. Узнав о приказании сделать бубен, данном духом шаману, двое или трое его родственников отправляются прежде всего рубить деревья. Березу на рукоятку бубна рубили обычно где-либо в окрестностях, за кедром приходилось ездить часто очень далеко, вплоть до реки Томи.

Найдя указанные духами деревья, приехавшие начинали рубить их. При этом они произносили следующие слова, обращаясь как бы к будущему бубну:

Канқа кірзәң, камајба,
Піјгә кірзәң, јалтанба,

Если войдешь к хану, не стесняйся,
Если войдешь к начальнику, не
отшатывайся,

Кан алдында каңыр бол,
Піј алдында шіїк бол,
Тілің ада јарұ бол,

Перед ханом смелым будь,
Перед начальником высоким будь.
Речь твоя (буквально, язык твой)
пусть будет угодна,

Тізаң ала чөгү бол.

Колена твои пусть будут преклонены (буквально вдавлены в землю).
Если хан будет, у хана милость бери,
Если начальник будет, у начальника
мудрость — знание бери.

Каннаң ползо, кајран ал,
Піждәң ползо, пілді көр.

Когда ты будешь действовать —
пусть твои действия исцелением
людям будут,

Атқаниңдә ём ползын,

¹ Алтайские телеуты (ул. Черга) рассказывали, что старики в прошлом покрывали бубен шкурой марала. См.: В. Вербицкий, ук. соч., стр. 385.

² В дальнейшем дано описание обряда получения бубна, совершенного шаманом Канакаем (Николаем Алексеевичем Чолухоевым).

Тутканында туза ползын,

Караңаның көстө бол,

Кармаңаның колдо бол.

Алтай чыкканыңды алып-тур,

Арслап чыкканыңды қāп-тур.

Канду көдүрә, кајран ал,

Піjdі көдүрә піldі көр.

Jaңылбанда jaæk пол,

Сүрнүкәндә туjak пол,

Сұңа түшсә тајак пол,

Кырса чыкса, jölök пол.

Сабылтарға салбај-тур,
Чајбалтарға пәrbәj-тур,
Әніltärgä пәrbәj-тур,
Әндәdärgä салбај-тур.

Көзі јаман көрүспә,
Күні јаман таңдатпа.

Јарынтуңа пастырба,

Јоктуңа аjtтырпа.

Качырсанга јадіп-тур,
Кајканаң бзып-тур,
Карылуңа көргүспә,
Камчылұңа түзәltпä.

Ak тајкадаң, ажу ал!,
Aбын сұдаң кäчү ал,

Аткан октоң сүргүн бол,
Aбын сұдаң түргän бол,

Когда будешь держать, хватать,
польза пусть народу будет.

То, что увидишь глазом, из глаз
твоих пусть не уйдет,

То, что захватишь, в руке твоей
пусть останется.

Когда поднимешься к духу, про-
славляя его, желаемое получай,
Когда, соблюдая чистоту, подни-
мешься к духу, нужное тебе захва-
тывай.

Если хана будешь возвышать,¹
милость получи,

Если начальника будешь возносить,
мудрость увидь,

Когда (кам) ошибется, щекой ему
будь, отвечай за его щеку.

Если (шаман) споткнется, копытом
ему будь

Если пойдет (кам) в воду, будь ему
посохом,

Если станет подниматься на хребет
горы, будь ему опорой.

Не допускай (шамана) качаться,

Не давай ему шататься,

Не давай ему сгибаться,

На поражение не оставляй его.

Не показывай злому глазу,

Не давай на удивление, имеющему
злые намерения.

Имеющему лопатки, не давай его
давить,

Имеющему щеки, не разрешай его
переспорить.

Когда будете гнаться, догони,

Когда будете убегать, убеги.

Имеющему глаза, не показывайся.

Имеющему плеть, не являйся в сно-
видении.

Через пеструю гору перевал бери,
Через быструю реку переправу
бери.

Будь легче выпущенной стрелы,

Будь быстрее текущей воды,

¹ Буквально: поднимать, т. е. совершать моление духу.

Салқынту́да ыжык пол,
Сајлу күндә јоләк пол,
Каалу күндә колка бол,
Тымулұда тұза бол!

В ветреный день убежищем будь,
В тяжелый день опорой будь,
В несчастный день проградой будь,
При болезни (поветрии) полезным
будь!

Затем отправляются покупать требуемого духами коня — байтал'а — для обтягивания бубна. Шкуру байтал'а очищают от шерсти и натягивают на остов бубна. После того как бубен обтянут шкурой, те, кто его обтягивали, обычно двое, ставят его у порога дома шамана. Связывают три прута тальника (талдың корбазы) и ударяют несколько раз по натянутой коже бубна.

В это время в дом шамана уже съезжаются его сородичи и друзья с вином и угождением на чалу тоғы — пир бубна. Пьяные гости, сидя за столом и продолжая дальше пить, схватывают вновь изготовленный бубен и начинают по очереди ударять в него. Бубен переходит из рук в руки. Так они ударяют до тех пор, пока не разойдутся, т. е. пока хватит вина. Иногда такое угождение продолжалось трое суток. Ударять могли только мужчины. Сам шаман, присутствующий тут же, имел право лишь брать бубен в руки, но ударять не должен был.

Каждый из присутствующих, ударяя в бубен, произносил по своему усмотрению обращение к дереву, которое пошло на бубен, и к коню, шкурой которого был обтянут бубен, стараясь угадать и точно указать местность, где росло дерево, и район, где пасся конь. Эти обращения — слова присутствующих — совершенно естественно варируют.

Обращение к бубну

1. К деревянной обечайке

Алты ёркөштү ақаданның
Алтын қажын кәскән ағаш,

Кажы јардәң көсті-нә,
Кажы сұдаң тапты-нә!
Јаткан ала јәрім ѡдә,
Ічкән ала суум ѡдә!
Јаказын басса јарсылас,

Әдәгін басса јәрікпәс.

Ак чабаңы мај тадыңан,

Ағын суум ѹс тадыңан,

Үссүи јаның ѹс казык,
Алдын јаның муң казык,
Улұ Бајат кәзә отурған,
Үч толукту ѡнам јүрәкәй; Кајракан!
Аның којнуннаң көсті-мінә,

Күчү Бајат кәзә білгән,
Аның бојунаң кәсті-мінә,

Шестигорбого белого бубна
Для золотой обечайки срезанное
дерево.

В какой это земле срублено,
На какой-то реке найдено!
Где я лежу, моя земля,
Где я пью, моя вода!
Если по берегу реки будет ходить,
шума не слышно,
Если по склону горы будет ступать,
скучать не будет.
Белая рыба той реки на вкус, как
масло,
Быстрая вода моя на вкус, как
навар.

Вверху сто колов,
Внизу — тысяча колов,
Рекой Большой Бочатом правящая
Треугольная мать јүрәкәй, Кајракан!
В ее пазухе — на ее склоне — срезали разве!

Рекой Малым Бачатом правящая
У нее у самой срезали разве!

Аның бојунаң кäспäгäн болзо,
Абын суу ўс тадыңан,
Ак чаңаңы мај тадыңан,
Алдыңгу јаның кäт, Кајракан,
Үссүңгү јаның äнäm. Саңыс, Кајракан,
Алтын сајлў äнä Томнуң капсынаң
ошкош!

Если у нее у самой (дерево) не
срубили,
На берегу реки Томи, чья вода на
вкус, как навар,
Чьи белые чабаки — рыба — на вкус,
как масло,
В верховьях которой река Кет Кај-
ракан.
В низовьях которой мать моя река
Саңыс Кајракан,
На берегу матери моей реки Томи
с золотыми отмелями, похоже, что
срубили!

2. К байталу — коню:

Алты öркöштү ак аданга јапкан
бајтал,
Кажы јäрдäң түлдý-нä,
Кажы јäрдä ёстý-нä,
Кажы суудаң iчтi-нä?!
Алты öркöштү ак аданның,
Ак пајталы тулбан јäрi
Änäm оскоттың iчiндä,
Änäm коңыс Кајраканың којнуунда
ошкош!

Байтал, шкурой которого обтянут
шестигорбый мой бубен,
В какой-то земле родился,
В какой это земле вырос,
На какой это реке рос?!
Земля, где родился белый байтал,
Моего шестигорбого белого бубна,
Похоже, что в пределах матери
моей реки Оскот'a,
В пазухе, — на склоне — матери
моей Коңыс — Кајракан.

Гости, присутствующие на чалу тоýы, разъезжаются. Спустя некоторое время призывают человека, умеющего разрисовывать бубен. Призванный наносит на коже бубна рисунки. Каждый из рисунков связан с шаманской космогонией и представлениями о шаманских духах. Бубны телеутских шаманов однообразны по разрисовке. Рисунки устойчиво сохраняются от бубна к бубну, не только от шамана предка к шаману потомку, но и в разных родах (сöök'ах). Допускаются лишь самые незначительные отклонения в размещении отдельных изображений и их трактовке.

Наружная сторона бубна (пüдүjи), закрытая, разделена на две части, большую — верхнюю и меньшую — нижнюю (рис. 8 и 9). Чертка, разделяющая оба поля, состоит из двух горизонтальных параллельных линий и третьей зигзагообразной, проходящей между ними. Такая же черта окаймляет наружный край верхнего поля, образуя свод. Обе черты нанесены белой краской. По внутреннему краю черты, окаймляющей верхнее поле, проведена еще одна красная линия, изображающая, видимо, небесный свод. Около каждого наружного угла, получающегося от зигзагообразной линии, проведены три черточки, соединяющиеся в вершине угла. Всего должно быть семнадцать таких соединений (17×3) по числу семнадцати „дорог ханов“ он jättî каның тарам ѡол (см. ниже камлание с бубном духу Марäzi).

На пространстве верхнего поля нарисованы (рис. 8):¹

1. Солнце — күн.
2. Месяц — аj.
3. Утренняя звезда Венера — таң чолмон.

¹ Под каждым номером даны варианты рисунков.

4. Вечерняя звезда — зарница — ёңір чолмон.

Солнце и месяц рисуются белой и красной красками, звезды только белой, но они могут наноситься и двумя красками, белой и красной.

5. Радуга — солоны. Она касается одним (верхним) концом солнца, другим (нижним) концом — земли. Рисуется белой и красной красками.

6. Квадрат — Сабыр піcік — с двумя зигзагообразными линиями внутри, наносится белой или красной красками. Полное название — ак Ўлгәннің сабыр біcік — „рукописание Белого Ульгена“. Только имея от Ульгена Сабыр піcік, шаман может совершать свое служение.

7. Девять птиц (может быть и восемь). Семь из них илиш есть называются: „Ўлгән жатті кара күш“ — „семь черных птиц Ульгена“ — или „Күштар Чамбыл-птицы Чамбыл“. Рисуются белой краской.

8. Восьмая птица называется „јәс тырмакту кара күш“ — „с медными когтями черная птица“; она же называется еще и „Ўлгән күжу баj мүркүт“ — „Ульгена птица большой беркут“. При камлании јәс тырмакту кара күш всегда сопутствует каму, выполняет обязанности слуги: подносит абырты (брагу) духу и, по поручению кама, уносит домой кёнёк (берестяной туис), в котором была брага.

Шаман обращается к ней:

Баj Ўлгән күжу баj мүркүт,

Јәс тырмакту кара күш,
Тура јіктү төс кёнёктү,

Аj тырмакка ilin-ал,

Аj канатка пур кәп ал,

Аттап чыккан ак ардомо

Аттап чыккан ак ајланчыкка,

Ајланып аккір!

Птица богатого Ульгена богатый
беркут,

С медными когтями черная птица.
Берестяной кёнёк с поперечным
швом.

На лунообразные когти твои по-
весь,

Лунообразным крылом твоим зате-
мни — прикрой.

В мое жилище, откуда я вышел,
прославляя духов,

К моему чистому жилью — алан-
чику, откуда я вышел, именуя
духов,

Вернись и внеси!

Ей шаман поручал отнести на отдых свой бубен, когда его бубен „устанет“ от долгого пути. Јәс тырмакту кара күш рисуется на бубне несколько больше других птиц, иногда красной краской, чаще белой.

9. Девятая птица Кан-карлык при камлании исполняла роль разведчика, летела впереди шамана и обо всем, что узнает, докладывала шаману. Изображается черной краской.

10. Сетка — тор, при помощи которой птицы Чамбыл күштар, по приказанию шамана, ловили ушедшую или унесенную духами душу больного; имеет вид решетки.¹ Рисуется белой краской или белой и красной, или одной красной. Шаман обращался к своим птицам Чамбыл күштар:

Әркәj канның чамбыл күштар,
Алтын төр тартып турбар;

Эркей хана Чамбыл птицы,
Золотую сетку натяните.

¹ При камлании подвешивалась к дверям жилища особая сетка, которая также называется тор.

Ат патынчä алтын кутты,
Айры колцо кäп-чыккар!

Золотую душу с конскую голову,
В когтистые лапы захватите!

11. Бура — кони, на которых „ездят“ Ўльген’й, духи земли и сам шаман.¹ На одних бубнах им рисуют восемь, на других — шесть.

Первый конь — бура кама, которому принадлежит бубен.

Камның тын буразы — „шамана душа бура“. С этим бура связана жизнь шамана. Если у шамана отнять бура, то шаман теряет способность камлать и вскоре умирает. Вот почему каждый шаман старательно прячет своего бура как от других шаманов, так и от враждебных ему духов. Этот бура или совсем белый, или белый с красными точками — чокурат-чубарый конь. Человек, сидящий на нем, — сам кам.

12. Второй конь кызыл бура — „красный бура“ — принадлежит Ўльгеню кызыдан таңарә. Рисуется красной краской.

13. Третий конь — көк бура — „синяя бура“ — принадлежит Ўльгеню токој таңарә. Рисуется черной краской.

14, 15, 16. Кони рисуются всегда белой краской. На бубне Канакая их три: это буры ојрот таңарә (он же бурхан таңарә), тумат таңарә и последняя — барс ўнәзі бај Ўлғаня.

17, 18. На бубне Пöдөк их пять: буры ојрот таңарә, тумат таңарә, абjoш таңарә, мордок-хан'а и барс ўнәзі бај Ўлғаня.

19. Три железные лиственицы Ўчтәзір тыт, на которых кан күш или кан карлық (девятая птица, 7, 9) устраивает себе гнездо. В шаманских молитвах говорится, что на этих трех лиственицах вьет себе гнездо ўч тәмір тыт паштарын пүрә тартып, уя јазандан мать всех птиц — күш ўнәзі курдај-кан. Другое название этих деревьев — ўч пај кајың — три богатые (выдающиеся, развесистые) березы и ўч тапты — три топты — ступени или деревья восхождения к Ульгеню.

20. Хранитель шамана камның сакчызы — антропоморфное изображение духа, охраняющего шамана. Камның сакчызы изображается всегда с мечом — кылыш — в руке. Он носит еще другое название: Ўлғанің ұлы кирбі тај ат пулузы бај сөйт — сын Ульгена кирби-тай или Бай сөйт — „конская привязь“. Дух этот сопутствует каму в его путешествиях, стоит при дверях, когда кам заходит во дворец того или иного духа. Изображается белой краской.

На нижней половине лицевой стороны бубна нарисованы следующие фигуры (рис. 9):

1. Черный конь адабистің кара бура — „отца нашего Адама черная бура“. Бур'ой Адама или Ерлика заведует Поручи-хан. Когда шаман камлает Ерлику, он накануне должен совершить специальное камлание — поймать буру Ерлика у Поручи-хана.

2. Квадрат с фигурой человека внутри ёжік таңарәзі — „дверь небо“ или ёжік сакчызы — „хранитель двери“. Это эпитет духа Кара-Адама, который является хозяином всякой двери человеческого жилья. Он же служит „обручем“, охранителем кама. Другое осмысление этой фигуры, как изображение „хозяина порога“ — позовоңың їзи кара Гёш-хана — сына Кара-Адама.

Куда бы ни отправлялся шаман во время камлания, он должен заручиться согласием этого духа. Прежде чем приступить к камланию, шаман просит его помочь ему и дать своего спутника. Без разрешения этого духа шаман не рискнет начать свой путь к какому-то ини было духу.

Фигура человека посреди квадрата — ёжік біjnің сүрү — „изображение хозяина дверей“ — нарисована белой краской.

3. Рыба — кәр-балык. Рисуется белой и красной красками. Волнистая горизонтальная красная полоска внутри должна означать ің — „внутренности рыбы“.

¹ Прежде чем камлать к какому-либо духу, шаман должен поймать и привязать его бура, иначе может случиться, что, дойдя с большими трудностями до этого духа, шаман не заснет его дома; духи разъезжают на своих бура.

Рис. 2. Бубен (Из колл. МАЭ, № 2014-3).

Рис. 1. Бубен (Из колл. МАЭ, № 2014-1).

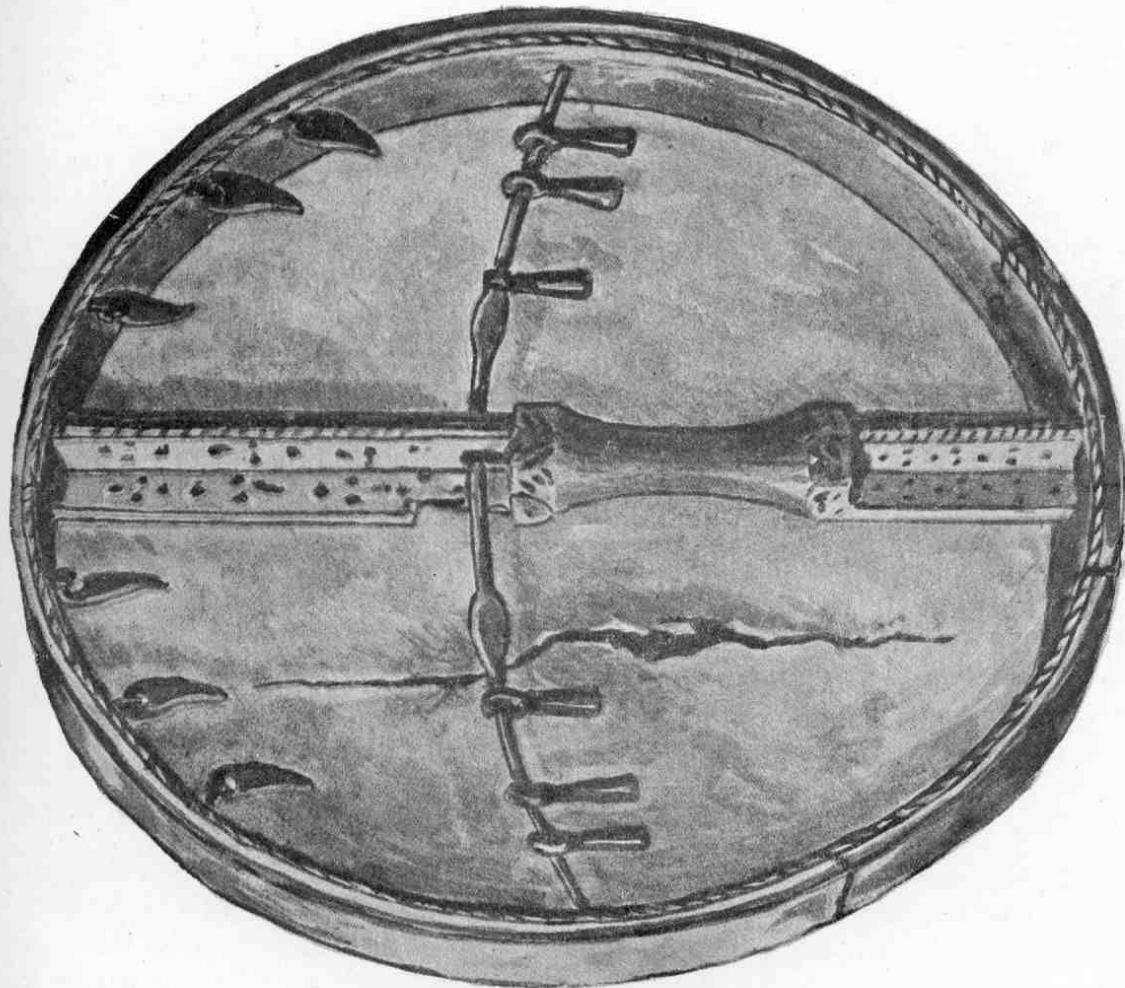

Рис. 4. Бубен с внутренней стороны. (Из колл. МАЭ, № 2014-3).

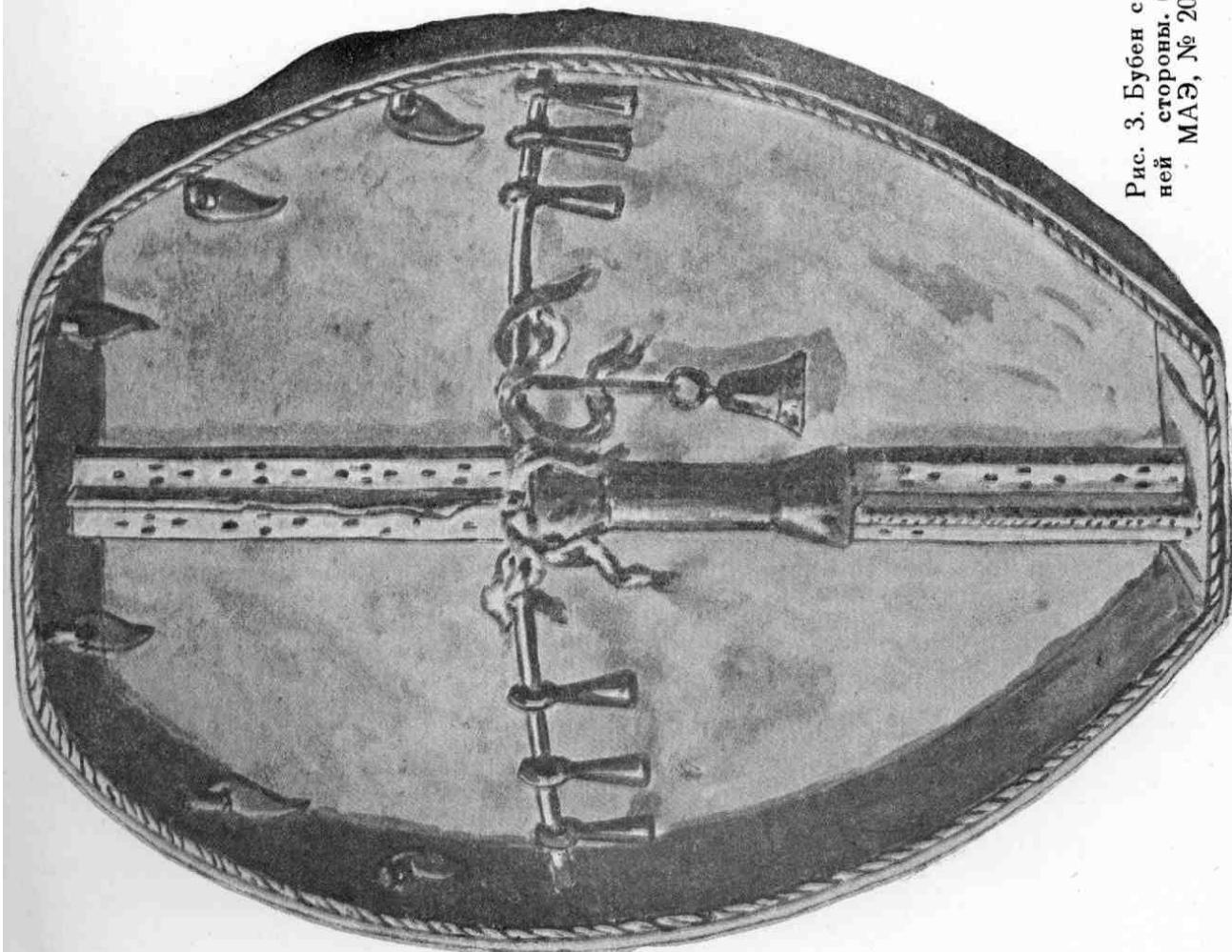

Рис. 3. Бубен с внутренней стороны. (Из колл. МАЭ, № 2014-1).

Это сын Галай хана — хана моря, одного из главных персонажей в шаманстве телеутов Талај каның ұланы үзы томы: „Кәр-балық — сын Талай хана, с беловатым ртом,¹ чудовище рыба“.² Кәр-балық — необходимый спутник шамана в его опасных путешествиях к духам. Прежде чем отправиться к земным, небесным или подземным духам, во время шаманских действий шаман призывает чудовище „рыбу Кәр-балық“ — „сына хана моря“ — Талај каның ұланы и, как бы опоясывается ею трижды — курчулап жат (от курчу — обруч, курчула — быть обвитым обручем).³ Отсюда этот дух имеет эпитет — „Тоң курчу — крепкий обруч шамана“.

4. Лягушка — паг, сопутствует каму во время его странствований. Она закрывает своими лапами отверстие у туяса (кёнёк), чтобы не пролилась абыртка. Она поддерживает лапами кёнёк, чтобы он не падал и не протекал.

5. Змея — јылан с руками и ногами (колы, пуды) в виде полоски с шестью черточками. Нарисована черной краской. Мыслится шаманом, как „обруч земли“ — јар курчу ёк јылан. При камлании Мар ёзи делается из теста изображение змеи и кладется под скамейкой около того места, где совершается камлание. Во время путешествия шамана, когда он встретит чью-либо затерявшуюся душу јула, змея, по приказанию шамана, прикрывает собой јула и охраняет ее от злых духов.

6. Черная полоска — јар — земля.

II

Шаман брал законченный бубен, т. е. бубен, на котором уже нанесены рисунки, приступал к первому камланию, во время которого он должен пойти с бубном к хозяину бубна Мар ёзи и посетить всех духов, живущих по пути к нему. Во время этого камлания шаман должен с помощью своих духов разыскать и посетить те места, где росло срубленное для его бубна дерево, где пасся конь, шкурой которого обтянут бубен, и рассказать об этом присутствующим. Камлание с новым бубном носит название — чалу јаъынданы — „приближение к себе, присваивание бубна“.

Для этого камлания приготовлялось:

1. Три берестяных туяса (кёнёк) абырткы.⁴ Первый туяс, самый большой, предназначался для чалу ёзи, Мар ёзи кан Кычкыл'а;⁵ туяс меньшего размера — для ак Мар'а — сына кан Кычкыл'а; третий туяс, самый маленький, отдавали в распоряжение

¹ томуд, томды, тоңгул — по одним толкованиям означает „беловатый“, по другим — „как обрубок, усеченный, обрубленный“.

² кәр — буквально гнедой.

³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий т. II. СПб., стр. 955.

⁴ Приготавливали муку из жареного ячменя, истощенного в ступе или смолотого на мельнице. Рожь или ярицу мочили в воде, затем толкли и, выжав руками, смешивали с горячей водой. Прибавив ячменной муки, получали особый напиток „абырткы“. Старились сеять ячмень поодаль от жилища, часто специально загораживали площадку, чтобы скот не наступал на посев. Ячмень должен быть „чистым“, никем и ничем не оскверненным, иначе духи не станут пить абырткы и разгневаются на шамана и на жертвователей. Также никто не должен был пробовать приготовленной абырткы. Вот почему во время камлания, угощая духов, шаман постоянно убеждает их в чистоте жертвенной абырткы:

Аріндү мынаң ічкән јок ёдә,
Әәкту мынаң таткан јок ёдә,
Мурунду мынаң ічкән јок ёдә,
Јәактү мынаң тарткан јок ёдә

Имеющий губы отсюда не пил,
Имеющий подбородок отсюда не пробозал,
Имеющий рот отсюда не пил,
Имеющий щеки отсюда не пробозал.

⁵ К большему туясу прикрепляют тастарба — берестяную полоску с рубчиками; она служит указанием, какому духу предназначен туяс. Прикрепляя ее к кёнёк, указывают имя того духа, которому предназначена абыртка.

самого кама: из него он кропил дорогой, пока не доходил до места обитания духов кан Кычкыл'а и ак Мар'a, своим тёс'ям — духам — и јыык'ам — хозяевам тех местностей, через которые он совершил свой путь.

2. Пять толу; толу — неношенные женские рубахи-платья, собранные на время камлания от женщин улуса, две — для куш Jäläш и три — для Кычкыл-хана.

Камлание должно было совершаться поздно вечером или ночью, обязательно при зажженном огне (огонь в печи, свеча). Продолжалось оно часов десять — пятнадцать. Шаман камлал в летнем халате, кафтане из черной материи (каптал). Опоясывался зеленой или синей опояской (не разрешается белая опояска) и повязывал голову белым или красным платком. Женщина шаманка камлала в своем обычном платье.

Прежде чем приступить к камланию с новым бубном, шаман совершает „алас“ — обряд очищения, окуривания огнем своего нового бубна (чалу алас), повешенных одежд (толу алас), самого себя (кам алас) и туясов с брагой (кёнök алас).

Шаман садился в переднем углу на скамейку и брал в руки орбу и бубен и обводил вокруг них зажженным вереском — арчын ölöç, произнося следующие слова:

Алас, алас, алас, алас!
Ak Ўlgäniç от алас,
Ўlgän канның чын алас!
Алты ёркөштү ak аданды
Алты көстү ала барсты!

Одус пашту от ёнә,
Кырык пашту кыс ёнә,
Чүйді ползо пыжырдан,
Тоңду полжо ёріткән,
Жажыл јалын кубатту,

Жажыл тюрко кіјымду,
Кызыл јалкын кубатту,
Кызыл торко кіјідбу,

Јәтті түшкүн түшкүндү,
Јәтті јајкам јајканда,
Јәтті сырыйк пажында,
Јәтті кубат ојунда,
Тогус түшкүн түшкүндү,
Тогус јајкам јајканда,
Тогус сырыйк пажында,
Тогус кубат појунда,
Үч ојоктың әзі,

Урүм талдың мүүзі кан,

Таш очоңун тудундан,

Талкан күлүн јастандан,

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульген'я огненный алас,
Ульген'я хана истинный алас,
Над шестигорбым бубном,
Над шестиглазым пестрым барсом
(да будет)!

Тридцатиголовая мать — огонь,
Сорокаголовая девица — мать,
Сыре варящая,
Мерзлое оттаивающая,
Зеленое — переливчатое пламя ве-
селящая,
Имеющая одежду из зеленого шелка,
Красное пламя веселящая,
Имеющая одежду из красного
шелка,

На семи спусках спускающаяся,
На семи качаниях качающаяся,
На вершине семи жердей
Имеющая игру семи радостей!
На девяти спусках спускающаяся,
На девяти качаниях качающаяся,
На вершинах девяти жердей
Девять радостей у нее у самой!
Хозяйка трех камней очага — тре-
ножника,

С рогами из плетеного тальника
хан.

Владеющая (держащая) каменным
очагом,
Талкан золу под себя, как подушку,
подстилающая,

От јаказын күбүрәткән,
Одус пашту от ёнә,
Ојбон камыш кулакту,

Кырык паштү кыс ёнә,
Кыїџан камыш кулактү,

Ажырғызы ојмок арү,

Ажыра пілгән ојмок арү Кајракан!

Көзі јаман көргүтә,
Кууні јаман таңдатпа,

Ак јалкын тартып käl,
Алты ироло курчап käl,
Кök јалкың тартып käl,
Ада болуп, ајлап käl,
Ёнә болуп курчап käl!

Края огня заставляющая играть,
Тридцатиголовая хозяйка огня,
Имеющая уши из согнутого ка-
мыша.

Сорокаголовая девица — огонь,
Имеющая уши из кососрезанного
камыша,

Чистая Оймок (наперсток) всех
превзошедшая,

Сверх знания знающая чистая
Оймок.

Скверному глазу не показывай,
Худому намерению не давай осу-
ществляться,

Белое пламя притяни,
Шестью кругами опояшь,
Синее пламя притяни,
Отцом будучи окружи,
Матерью будучи опояшь!

Шаман кладет бубен на угол, образуемый двумя скамьями, и совершаet толу алас и кёнök алас. Шаман обводит зажженным вереском вокруг кёнök'ов и толу, говоря:

Алас, алас, алас, алас!
Ак Ўлгәнің от алас,
Ўлгән каниң чын алас!
Алты јакалу аңыр толу,
Аңын көчүн чаңылып отур,
Аj оңунча пуралы отур!
Аңым марса јајалы отур,
Тура јіктү тос кёнögүм,

Tälkildäęн баj сабам,

Ак торса јајалы-отур,
Аj оңунча пүралы отур,
Ак пүлутча јајлан-кір,
Әр алды-мынаң кабылы-отур,
Мәнчә болуп јајалы-отур,
Көдүрмәлү köl тәпшім,

Кök пулутча кочуп отур,
Кiiн оңунча пуралы отур!

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульгения огненный алас,
Ульгения-хана истинный алас!
С шестью воротами белые толу,
Белым и синим цветом сверкайся,
По луне повертывайтесь.
К белому Мар'у направляйтесь,
С поперечным швом берестяной
мой кёнök.

Покачивающаяся — богатая саба
моя,

Перед белым Мар'ом предстань!
По луне повертывайся!
Подобно белому облаку, двигайся!
Впереди меня мужа быстро мчись,
Подобно мне несись!

Мое корытце — озеро, годное для
возношения,
По синим тучам продвигайся,
По солнцу повертывайся!

Појың алас — „алас над самим собой“. Шаман обводил зажженным вереском вокруг самого себя три раза по солнцу и обращался также к от ёнё:

Алас, алас, алас, алас!
 Ак Ўлганиң от алас,
 Ўлған каның чын алас!
 Кан јолына каңылтып,
 Піј толына пук салтып,
 Сабылтарға салбаңар,

 Сајбалтарға пәрбәгәр,
 Талашканға пәрбәгәр,
 Тартышканға салбаңар!

Алас, алас, алас, алас!
 Белого Ульген'я огненный алас,
 Ульген'я-хана истинный алас!
 По дороге хана (меня) продвигая,
 По дороге начальника направляя,
 Уклоняться — свернуть с пути, не давайте,
 Колебаться, качаться не допускайте!

Затем следует обращение к от ёнё. Остатки угля от сожженного вереска шаман брал в рот — подразумевается, что он освящает этим „свое нутро“; затем клал обуглившийся вереск в сеяльницу, поставленную на скамейку около конёк’ов.

Шаман садился на скамейку (толу и конёк должны быть обязательно по левую руку от шамана). Он брал бубен и колотушку. Ударял несколько раз. В течение нескольких минут он пел без слов. Затем обращался к „своим“ родовым духам, — т. е. душам умерших родичей шаманов, ставших теперь духами — Тос’ами нового шамана. У каждого шамана свои особые духи — духи его предков шаманов. Здесь мы приводим, как образец, камлание шамана Канакая, рода јутты, которому принадлежал бубен № 2014-1.

Јардым пашкан јас ўланар,
 Јардым база јунап кәлгәр!
 Йінім паскан ёр улустар.

Йінім база јунап кәлгәр!

На лопатку моего плеча наступившие — молодые юноши,
 Давя лопатки мои, соберитесь!
 Давящие плечо мое, мужи — народ,
 Наступая на плечи мои, соберитесь!

Идет перечисление всех умерших предков шаманов, начиная с того шамана, от которого новый шаман получил свой шаманский дар:

Кам Апурнак каңылғам,
 Кам Шөлпөктөң тартылғам,
 Кам Отконон кычырғам,
 Кам Јәрәннәң кыјырғам,
 Кам Мыткадаң, кам Мітәмнаң
 Кам Іазы — балық кыјырғам,

 Кам Болонок тартылғам,
 Кам Сарғадаң тартылғам,
 Кам Кобордоң кыјбурғам,

 Кам Пёнök пазылғам,
 Анаң пашка кан ада...

С шаманом Апурнак’ом я соприкасался,
 От шамана Шольпек’я я притянулся,
 Из-за шамана Откон’я я взывал,
 Из-за шамана Ерен’я я кричал,
 От шамана Митка, от шамана Митем,
 Из-за шамана Язи — балык я кричал,
 Шаман Болонок меня притянул,
 Шаман Сарга меня притянул,
 Из-за шамана Кобора я бегал и крутился, как вихрь,
 Шаман Пёнök меня давил,
 Кроме них, хан-отец,

Ун салыжа käligräp,
Кыңғу салыжа түжүгәр.

Откликаясь на (мой) голос, приходите,
Откликаясь на зов, спускайтесь!

Шаман призывал двадцать семь духов jär јол и двенадцать небесных духов пајана. Он звал их и просил ему сопутствовать и помочь.

Начало призываия шамана вариирует в зависимости от того, весной или осенью происходило камлание.

В том случае, когда шаман получал новый бубен весной, он начинал обращение к духам следующими словами:

Ајдың ползо, арұнда,,
Күннүң ползо, көркүндә,
Јылдың бажы ајланғанда,
Јылан бажы сојылғанда,
Ämäl ағаш пүр алғанда,

Äæk куук қыңырғанда,
Jär јарылып көк чыкканда,

Ағаш јарылып пүр чыкканда.

При полной луне,
При сиянии солнечных лучей,
Голова года когда повернулась,
Когда змея сбросила свою кожу,
Когда плодовые деревья покрылись листьями,
Когда кукушка закувовала,
Когда земля раскололась и показалась зелень,
Когда деревья расщепились и появились листья.

Когда камлал осенью, то говорил:

Конур малдыj,
Конур күстә,
Комурсаj пажы кужалғана,

Кү олөң пажы шужалғана,
Ағын суум кабышканда,

Ak тajka pūrun қар алғанда.

В подобную каурому коню,
В смуглую бурую осень,
Головы дудок борщевника когда измялись,
Головы трав когда съежились,
Когда текущая вода моя сковалась льдом,
Когда на склон тайги пал снег.

Шаман обращался к двадцати семи jär јолу пајана — духам земного пути:

1

Ур сомбо оjноғон,
Паj чалға турлаған,

Кан järин міnättү,
Јалбак тәmіr јарынду,

Тулку тәmіr özүнду,

На тяжелых сом'ах¹ играющий,
На богатой березе имеющий место обитания,
Ездащий верхом на кроваво-рыжем коне,
С лопatkами из широкого — плоского железа,
Имеющий круглую железную грудь,

¹ Сом или чал — молодые березки, которые телеуты ставят около своих домов в начале лета, в честь пяти наиболее уважаемых ими духов Jär јол: Тәmіr-кан'a, Ärkäj-кан'a, Орто-хана, Куркаj-хана и Jöö-кан'a. Отсюда эти духи, помимо общего названия jär јол, носили еще название „сом“.

Сум кара таш јүрәктү,

Сунама тәмір јаакту,
Онча појы сун тәмір,
Адам тәмір кан, Кајракан!
Кан ўлұжү канаңа јёт,
Пү ўлұжү кіңгә јёт!

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Күйеш салыжа түжүгәр!
Тәмір канның уланы,
Тәмір ўзўңә тажа тәпкән,

Täplü атка пу пәрбәгән,

Тәмір уя суј тарткан,

Тәмір така побүк кіңгән,
Jäläm кіжә сәс пәрбәгән,

Адар октуң мәргәні,
Ајдар сөстүң чачәні,
Албіртисә ёр төспөгөн,

Јалбыртына мал төспөгөн,
Каным ёркәј кан, Кајракан!
Піј ўлұжү піңгә јёт,

Кан ўлұжү канаңа јёт!

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа кәлігәр,
Күйеш салыжа түжүгәр!
Кызыл кумак јаылқан,

Кызыл буралар бајбырған,
Пёс кумак јаылқан,
Пёс буралар бајбырған.
Јәтті тәмір тыт пастары,

Имеющий сердце из чистого—
сплошного черного камня
Со щеками из продольного железа.
Сам из чистого сплошного железа
Отец мой железный хан уважаемый.
Доля хана до хана пусть дойдет,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

2

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Железного хана сын,
Железное стремя ногой пробиваю-
щий,

Потному коню не дающий привязи
(не даешь выстояться).

Когда железный лук натягиваешь,
он ломается,

Железную шапку „така“ носишь,
Какому попало человеку говорить
не даешь (слова не даешь),
Пущенной стрелы меткий стрелок,
Произносимых слов красноречивый,
При его движении мужи не могут
устоять,

Вида его не может скот вынести.
Мой Кан Еркей—хан уважаемый!
Доля начальника — пусть началь-
нику достанется!

Доля хана — пусть хану достанется

3

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
[Там, где] красные пески разбро-
саны,

Красная бура неуклюже ступает,
[Там, где] серые пески раскинулись
Серая бура прямо не идет,
Семи железных лиственниц вер-
шины,

Пүрә тартып уја јажансан,

Күш ёнәзі Курғај кан.

Кан ўлүжү канса јёт,

Піј ўлүжү піјгә јёт!

Согнув и соединив, гнездо себе
свила

Мать птиц Кургай-хан.

Доля хана пусть достанется хану,

Доля начальника пусть начальнику
достанется!

4

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käliğär,

Кыңбы салыжа түжүгәр,

Јажым мүүс тајакту,

Јажыл кіс төжөктү,

Јажыл буңа мінаттү,

Јажыл тібæk тіскіндү.

Кызыл мүүс тајакту,

Кызыл кіс төжөктү,

Кызыл пура мінаттү,

Кызыл тібæk тіскіндү.

Кызыл пура пајбырдан,

Кызыл кумак тогүлгән,

Пös пүраны пајбардан,

Пös кумаңы тögүлән,

Кытај јәрін кәдирдан,

Кырбасы јәрі тәҗәлү.

Каным Мордок кан, Кајракан!

Пү ўлүжү піјгә јёт,

Кан ўлүжү канса јёт.

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите.

Откликаясь на зов, спуститесь!

Имеющий посох из зеленого рога,

Имеющий постелью зеленую кошму,

На зеленом быке ездящий,

Имеющий поводья из зеленого

шелка,

Имеющий посох из красного рога,

Имеющий постель из красной кошмы,

На красном быке верхом ездящий,

Имеющий поводья из красного

шелка,

Красными бура'ми ты управляешь,

[Там, где ты живешь] красные пески

насыпаны,

Серыми бура'ми ты управляешь,

[Там, где ты ступаешь] серые пески,

насыпаны,

Китайская земля там опустошена,

На грани Киргизской земли (ты

живешь),

Хан мой Мордок — кан Кајракан!

Доля начальника пусть дойдет до

начальника

Доля хана пусть достанется хану!

5

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käliğär,

Кыңбы салыжа түжүгәр,

Ај чыкпастаң ај чыңардан,

Ајлу äлчä пілчі салдан.

Күн чыңарбастан күн чыңардан,

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,

Откликаясь на зов, спуститесь!

Там, где не должна была взойти
луна, заставил ее взойти,

Живущему под месяцем народу —
мудрость дал,

Там, где не должно было взойти
солнце, заставил солнце взойти,

Күндү ёлгä пiлчi салсан,
Аj тäңистi пыжысан,
Ак тäрäгiн тäскäрi туткан,
Чар тäрäгiн тäскäрi туткан,
Адам соо кан, Кајракан!
Кан ўlүжү канса јат,
Пij ўlүжү пijgä јат.

Живущему под солнцем народу
знак — мудрость предопределил,
Лунное море взбалтывая — взвол-
новал,
Белую пену взметнул,
Могучий тополь выворотил и кор-
нями вверх поставил,
Отец (мой) Соо-кан, Кајракан!
Доля хана пусть дойдет до хана,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

6

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligär,
Кыjбы салыжа түжүgär!
Үч тäмiр тыт пастарын,
Пүрä тартып уja тартынсан,
Täkaläri тäçari tïräp,
Пукалары јäр тäрägäñ,
Күш ѣnäzi Кыjлу-кан,
Кура тарткан ачыj кан,
Пij ўlүжү пijgä јат,

Кан ўlүжү канса јат.

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Вершины трех железных лиственниц
Пригнув, гнездо себе свила,
Козлы (горные) ее подпирают небо,
Быки ее в землю упираются,
Мать птиц Кыйлу-хан,¹
Спесивая Ачый-кан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется

7

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligär,
Кыjбы салыжа түжүgär,
Алтон таjка ажылу,
Jättan таjка kächüly,

Салам таjка ажылу.

Алтон чардың тäразiñ.
Аj чадырда тудунсан,
Jättон чардың тäразiñ,

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь,
Шестьдесят гор переходящий,
Через семьдесят гор переваливаю-
щийся,
Имеющий местом перевала гору
Салам,
В шестьдесят бычьих шкур
Месяц обернувший,
Семьдесят бычьих шкур

¹ Кыйлу-хан или Курбай-хан, заведывал птицами ак ўlgänïç чэмбыл күштар, которых, шаман встречал на пути к духу Ёңис сом'у.

Күн чадырға тудунған,
Ак чалдарда мінәттү,

Айыр јалду Кірбі-кан!
Кан ўлұжү қанға јät,
Піj ўлұжү піjgä јät.

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligräp,
Кыjбы салыжа түжүгäp,
Ак jaыкта суçатту,

Танаj köldä ордолу,
Малкылдасан Köldü-кан,
Каркылдасан Күшту-кан,
Парс тәразi тон кijgäñ,
Парстаң чоккур ат мiнгäñ,
Анäm маjбыл, Кајракан!
Пү ўлұжү піjgä јät,
Кан ўлұжү қанға јät!

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligräp,
Кыjбы салыжа түжүгäp!
Јылқылуда јылмаj кан,
Мал кадардан таңзыр кан!
Кан ўлұжу қанға јät,
Піj ўлужү піjgä јät!

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligräp,
Кыjбы салыжа түжүгäp,
Järim суум ädäñ,
Jоттон ала суум ädäñ,

На солнце растянувший,
Ездищий верхом на бело-игреневом
коне,
С гривой жеребца Кирби-хан!¹
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

8

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь,
Из белого разлива (jaыk'a) имею-
щая питье,
На озеро Танай имеющая стоянку
(берлогу),
Имеющая прозрачное — колеблющее
озеро, хан,
Имеющая каркающих птиц, хан,
Одевшая шубу из шкуры барса,
Ездишая верхом на коне, более
пестром, чем барс,
Мат Майгыл Кайракан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется.

9

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Для табуна конейты Јылмайх-ан,
Пасущий скот Манзыр-хан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

10

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Моя вода и земля ты есть,
Ты есть семьдесят моих гор,

¹ Кірбі-хан носил еще имя Яңыс сөм. Этого духа телеуты считали чужим, ставя ему березку поодаль от пяти берез, поставленных для своих близких духов. Духа этого рассматривали как злого, ему приписывали насылание на людей болезней.

Үссүн јаның көк палат,
Жаттон кіжі тајакту,

Көк саак пörük кіjән
Көк пос адап жаратка'н,
Көк пörүдә jöлöктү,

Көк Уләндә жарғылу.

Алдың јаның ак палат,
Алтон кіжі jöлöктү,

Ak пос адын жараткан,
Ak саак пörük кіjәn.
Ал пörүдә jöлöктү,
Ak Йыгандә жарғылу,
Адам пörүчі кан, Кајракан!
Піj ўlүжү пүчä јät,

Кан ўlүжү канça јät.

Вверху у тебя синие палаты,
Посохом — опорой служат тебе
семьдесят человек,
Одевший синюю шапку „саак“,
Выбравший себе сине-сивого коня,
Имеющий опорой синего волка
(ездящий на синем волке),
Получивший решение у синего
Ульгена,
Внизу у тебя белые палаты,
Опорой твоей служат шестьдесят
человек.
Бело-синего коня снарядивший,
Белую „саак“ шапку надевший,
На пестрого волка опирающийся
Имеющий приказ от белого Ульгена
Мой отец Пöruchi-хан,¹ Кајракан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется.

11

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа kälirär,
Кыjбы салыжа түjүgär,
Алтын коңру каңышкан,
Адыш куjсан Алтаj-Кан!

Күмүш коңру каңышкан,

Күрәш куjсан, Алтаj-Кан!

Алтын туда ордолу,

Алтын köldö суңатту,
Каным болзо Алтаj-Кан, Кајракан!
Кан ўlүжү канça јät,
Піj ўlүжү пiżä јät!

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Золотыми колокольцами звенящий,
Мужественный (преследующий
стрельбу) Алтай-хан!
Серебряными колокольчиками зве-
нящий,
Бесстрашный (борьбу преследую-
щий) Алтай-хан!
Имеющий жилище свое на золотой
горе,
Имеющий питье из золотого озера,
Мой хан-Алтай, Кајракан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

¹ Пöruchi-хану телеуты поручали охрану своих табунов. Пöruchi-хан управляющий волками, хан — владелец волков. Легенды связывают имя этого духа с волчицей (пörү — «волк»).

12

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа käligräp,
 Кыjбы салыжа түжүгäр!
 Алтай канның адазы,
 Алтын тууда ордолу

Үч алтын köl суçатту,
 Ўч äjik'ty Ülbük-Кан!
 Пij ýlýjü píjgä jät,
 Кан ýlýjü канça jät!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь!
 Отец Алтай-хан,
 Имеющий местообитания (берлогу)
 на золотой горе,
 Имеющий водопой на трех золотых
 озерах,
 Имеющий при двери Üльбük-хан!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

13

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа käligräp,
 Кыjбы салыжа түжүгäр!
 Ўлбük канның адазы,
 Алты мыjыk санду,
 Ат кöдүрбäс Püdaï-Кан,

Til pílispäc Moñur-Кан!
 Кан ýlýjü канça jät,
 Пij ýlýjü píjgä jät!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь!
 Отец Ульбük-хана,
 Шесть дойных зверей имеющий,
 Пуудай-кан, которого конь не может
 поднять,
 Не имеющий ни с кем общего
 языка Моñур-кан!
 Доля хана пусть хану достанется,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

14

Анаң пашка кан Ада...
 Ўн салыжа käligrar,

 Кыjбы салыжа түжүгäр,
 Агаш талку äzi,
 Адам Пöрүcі-Кан, Кајракан!
 Ak пос адын јараткан,
 Ak Ülgändä јарçылу;
 Kök-пос адын јараткан,
 Kök: Ülgändä јарçылу.
 Ak каak пöрүк кijgän,
 Абайл Пöрүcі-Кан, Кајракан!

Pi j ýlýjü píjgä jät,
 Кан ýlýjü канça jät!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, при-
 дите,
 Откликаясь на зов, спуститесь!
 Хозяин деревянной талку,
 Отец мой Пöрүчи-кан-Кайракан!
 Бело-сивового коня выбравший,
 По определению белого Ульгеня;
 Сине-серого коня выбравший,
 По определению синего Ульгеня;
 Белую шапку „каак“ носящий,
 Мой отец Пöрүчи-хан!¹
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется.

¹ Пöрүчи — ловец, управитель, владелец волков

15

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа käligrär,
 Кыңбы салыжат ўжүгär,
 Іал јүрәкчä јалду кан,

 Јарыш ајмаш окту кан,

 Kyl јүракчä јалду кан,
 Күрәш ајмаш окту кан,

 Ала шакка ат мінгäн,
 Ала шармат тон кіjgäni,
 Ала јымырт тајакту,

 Ајыр күзäн камчылу,

 Тämir. талку äzi,
 Адабистiң уланы,
 Адам Шағај, Кајракан!
 Кан ўлүжү канча јät,
 Пij ўлүжү пijgä јät!

Кроме того, хан отец,
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Отзываюсь на зов, спуститесь.
 Имеющий гриву размером с сердце,
 хан,
 Имеющий боевую ступню (спо-
 собную состязаться в бегах и
 схватках),
 Имеющий гриву с сердце,
 Имеющий быструю стрелу для
 битв,
 Ездящий на пегом чубаром коне,
 Одевший клетчатую шубу,
 Имеющий посох из пестрой чере-
 мухи,
 Имеющий плеть из шкуры самца
 хорька,
 Хозяин железной талку,¹
 Отца нашего Адама сын,
 Отец мой Шагай-Кайракан!
 Доля хана пусть хану достанется
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется.

16

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа käligrär,
 Кыңбы салыжа түжүгär,
 Аj каразы јорукту,

 Ају пашмак öдүктү,
 Түн каразы јорукту,
 Түктү пашмак öдүктү;
 Алтон ају тэрәзи

 Ajak учка јätpäjtäni,
 Jättön ају тэрәзи,
 Ёң учуна јätpäjtäni,
 Käpä сööм азулу,

 Кäzik пычкак тырмакту,

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на зов, спуститесь,
 Имеющий промысел на ущербе
 месяца,
 Имеющий сапоги из медвежьих шкур,
 Имеющий промысел в темноте ночи,
 Имеющий шерстистые сапоги;
 Шестидесяти медвежьих шкур (тебе)
 до конца ноги нехватает,
 Семидесяти медвежьих шкур
 Нехватает тебе на рукава.
 Коренной зуб у тебя с четверть,
 Когти у тебя с отрубленные ноги —
 (кисы),
 Родившийся наделенный большей
 силой, чем его отец.

¹ Талку — это колодка, в которую заковывали наказываемых.

Адазынаң күчтү түңән,
Адам күчтү, Кајракан,

Үч äжіктү кара Гööш-Кан!
Кан ўйүжу канңа јёт,

Піj ўlүжү пijgä јёт!

Сильный отец мой-Кайракан,
Имеющий три двери черный Гёош-
хан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется

17

Анаң башка кан ада...
Үн салыжа käligär,
Кыjбы салыжа түjүgär!
Jäp пүdүrбä пүtкäн кан,

Jäc кобордо коркон кан,
Ülgän-мынаң ўzüly,
Jüs-мынаң јарбылу

Улу кörük пазылбan,

Сун молоток кабылбan,
Сү кörögү созулбan,
Улү кörük пазылбan,
Улу завот согулбan,
Ülgän äjik Казыр-Кан,
Үч äжіктү Кара-Адам!
Піj ўlүжү пijgä јёт,

Кан ўlүжү канңа јёт!

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите
Откликаясь на зов, спуститесь!
Прежде, чем сотворилась земля,
создавшийся хан,
До того, как образовалась медь,
образовавшийся хан,
Имеющий связи с Ульгенем,
Входящий в число двадцати семи
духов „jäp — jol“,
Нажимаемый — надавливающий ве-
ликий мех,
Ударяющийся молот,
Водяной мех растягивающийся,
Великий мех надавливаемый,
Великий завод сооруженный,
Ульгения дверь Кагыр-хан,
Имеющий три двери Кар-Адам!
Доля начальника пусть начальнику
достанется.
Доля хана пусть хану достанется!

18

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käligär,
Кыjбы салыжа түjүgär,
Болот кыlyш баj бирбan,
Jуда бажын маjтарбan,
Поjтоjдың píjин мокорбон,
Jуда бажы јыш полбон.
Kіjі jўzü ört полбон,
Кастактары канңа күjgän,
Jäbäläpi jіngä kіjgän,

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь,
Стальным мечом владеющие,
Концы пик притупившие,
Начальника Бойдоя покорившие,
Концы пик были как тайга,
Лица людей были как пламя;
Стрелы их горели в крови,
Наконечники стрел горели в сукро-
вище.

Кажат јäргä ојун салңан,

Катү таштан кујак салынған,

Кара таштаң уја тартынған.

Түмән тäläңät чыккан jäp!

Кандар пijläp, Кајракан!

Кан ўlүжү канңа jäт,

Пij ўlүжү пijgä jäт!

Устроившие игру на холмистом месте,

Из твердого камня кольчугу на себя возложившие,

От твердого камня происхождение имеющие!

Земля, откуда вышло множество телеутов!

Ханы, начальники уважаемые!

Доля хана пусть до хана дойдет,

Доля начальника пусть до начальника дойдет!

19

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käligräp,

Кыjцы салыжа түжүгäр!

Суу солоңы сооболюон,

Сү ёнәzi Сулаj-Кан!

Кöбүктүдä Köлбöй-Кан,

Балыктүдä Болоj-Кан,

Чыбытүдä Чымай-Кан,

Jötti кыjычак кыjылған,

Тал таптылу Талаj-Кан!

Пij ўlүжү кijgä jäт,

Кан ўlүжү канңа jäт!

Кроме того, хан отец,

Откликаясь на (мой) голос, придите,

Откликаясь на зов, придите!

Бьющаяся о воду радуга,

Мать вод Сулай-кан!

В пенистых водах Кольбöй-хан,

В водах, полных рыбы, Балай-хан,

Там, где скопляется влага, Чымай-хан,

Крутящийся в семи водоворотах,

Имеющий тапты-тал Талай-хан!

Доля начальника пусть до начальника дойдет,

Доля хана пусть до хана дойдет!

20

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käligräp,

Кыjцы салыжа түжүгäр!

Jaыk түбүн jaқаңан,

Täңic түбүн тänsägäin,

Талаj канның ўланы

Үзү томул кäр балыk,

Ар боумның тоң курчum!

Кан ўlүжү канңа jäт,

Пij ўlүжү пijgä jäт!

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите

Откликаясь на зов, спуститесь!

Дно разлива качающий,

Дно океана колеблющий,

Сын Талай-хана — моря-хана.

С усеченным ртом чудовище — рыба,

Меня мужчину опоясывающий крепкий обруч!

Доля хана пусть достанется хану,

Доля начальника пусть начальнику достанется!

21

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käläräp,
Кыңбы салыжа түжүгәр!
Одус пашту от ёнә,
Кырык башту кыс ёнә,
Чыјді ползо, кыжырән,
Тоңду ползо, ёріткән!
Ада болуп сыккан кан,

Ёнә болуп камышкан кан!
Жажыл јалын кубаттү,
Жажыл торко күйімдү,

Кызыл јалын кубаттү,
Кызыл торко күйімдү!

Жатті түшкүн түшкүндү
Жатті јајкам јајкамдү,
Жатті сырыйк пажында,
Жатті кубат оյынду,
Тогус јајкам јајкамду,
Тогус түшкүн түшкүндү,
Тогус сырыйк пажында,
Тогус сырыйк пажында,
Уч очоктың әзі,
Үрүм талдың мүзі
Таш очоңун салынсан,
Талкан күлүн јастансан,
От јаказың ојноткон,
Күл јаказын күбүрәткән,
Одус пашту от ёнә,
Ојсөн каныш кулакту,
Кырык пашту от ёнә,
Кыјдан камыш кулакту.
Ажырәзы ојмок ёру,
Ажыра білған ојмокару, Кајракан!
Піј ўлұжү піјгә жәт,

Кан ўлұжү канса жәт!

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Тридцатиголовая огонь мать,
Сорокаголовая девица мать,
Сыре варящая,
Как мерзлое оттаивающая!
Отцом будучи, огонь высекающий
хан,
Матерью будучи, зажигающий хан!
Зеленое пламя веселящая,
Имеющая одежду из зеленого
шелка,
Красное пламя веселящая,
Имеющая одежду из красного,
шелка,
На семи спусках спускающаяся,
На семи качаниях качающаяся,
На вершинах семи жердей,
Имеющая семирадостную игру,
На девяти спусках спускающаяся
На девяти качаниях качающаяся,
На вершинах девяти жердей
Девять радостей имеющая.
Хозяин трех очагов — треножника
С рогами из плетеного тала,
Каменный очаг на себя возложившая,
Толкан золу под себя подстелившая
Края огня заставляющая играть,
Края золы разрыхляющая,
Тридцатиголовая огонь мать,
С ушами из согнутого камыша,
Сорокаголовая девица мать,
С ушами из кососрезанного камыша,
Все превосходящая Оймок чистая.
Мудрейшая Оймок ару-кайракан!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

22

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käläräp,
Кыңбы салыжа түжүгәр!

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите
Откликаясь на зов, спуститесь!

Ары мардың ақ тајлік,
Ақ пос адын јараткан;
Көгү мардың көк тајлік,
Көк пос адын јараткан;
Көк марын тајанған,
Көдү марын тудунған,
Ак аданның әзі,
Ак мардың ақ тајлік,
Айбыр жалду қыс jäläc!
Кан ўлұжү канға јät,
Піj ўлұжү піjgä јät!

Чистого мар'а белый конь (тайлык).
Бело-сивого коня снарядил в путь;
Синего мар'а синий конь (тайлык).
Сине-серого коня снаряди;
На белый барс (мар) опирающийся,
Синий мар (барс) держащий,
Белого бубна хозяин,
Белого мар'а белый конь (тайлык)
С гривой жеребца девица телес!
Доля хана пусть достанется хану,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

23

Анаң пашка как ада...
Ү салыжа käligräp.
Кыңы салыжа түжүгäр!
Алты өркөштү ақ аданның әзі,
Ала барстың сүрмәді,
Ак мардың адазы,
Айбыр жалду Кан-Кычкыл!
Піj ўлұжү шіjgä јät,

Кан ўлұжү канға јät!

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Хозяин белого бубна о шести горбах
Пестрого барса изображение,
Белого мар'а отец,
С гривой жеребца хан-Кычкыл!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

24

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käligräp,
Кыңы салыжа түжүгäр!
Алтын сомның адазы,
Үр сомның әзі!
Баj чалқа сурлаған,

Үч тәңәрә тәбілгән,
Тәмір капкак кабылған,
Таңдак пазылған,
Алтын параты ачыл-јабылған,

Алды сöögү сајланған,
Күштүн сöögү кужалған,
Күшкочак отпäс куба чöl,

Саңыскан отпäс сары чöl!

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Отец золотых сом'ов,
Тяжелых сом'ов хозяин,
На богатых берегах (блестящий) —
сверкающий!
Тroe небес тобою протопнуты,
Железную крышку хватающий,
На зарю наступающий!
Золотые ворота открываются и за-
крываются,
Кости диких зверей рассыпаны
Кости птиц сокрушены,
Бледная степь, через которую про-
летит пташка,
Желтая степь, через которую про-
летит сорока!

Аттар ашпас ај муус,

Ак чалдарда мінätү,
Ајыр јалду јöö-Кан!
Кан ўlүжү канса јät,
Пij ўlүжү пijgä јät!

Рогообразная гора, через которую
конь не перейдет!

На бело-игреневом коне ездящий,
С гривой жеребца јöö-хан!¹
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

25

Анаң пашка кан ада...

Үн салыжа käliäp,
Кыjba салыжа түжүчär!
Äl änaз Änkäj-Кан,
Äki көзин чаңылбan,
Jär түнүктiç äzi-Кан!
Пij ўlүжү пijgä јät!

Кан ўlүжү канса јät!

Кроме того, хан отец...

Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на мой зов, спуститесь!
Мать народа, Енкей-хан,²
С двумя сверкающими глазами,
Земной щели — тюнюк'а — хозяйка!
Доля начальника пусть начальнику
достанется!
Доля хана пусть хану достанется!

26

Анаң пашка кан ада!

Үн салыжа käliäp,
Кыjбы салыжа тужүgäp!
Анаң јадып јајатан,
Анаң јадып тämдäjtäп,
Ончолордың пашчызы,
Толојлордың kïndigï!
Казы карта баркызың,
Кара аракы суңадың!
Кулаш полбон окту кан!

Кроме того, хан отец!

Откликаясь на (мой) голос, при-
дите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Лежа сотворяющий,
Лежа устремляющий к жизни,
Всего глава,
Всех и всего пуповина!
Опохмеляешься жиром сычуга,
Пьешь черную водку!
Имеющий стрелу в сажень хан!

¹ јoo-хан, по представлению телеутов, жил где-то за горизонтом — „за утренней зарей“ — за тем местом, где небо упирается в землю. Небо через определенные промежутки времени то опускается, то поднимается.

Когда шаман камсал јoo-хану, он должен пройти с жертвой через основание неба — тäңäрä тözün' одүпчыкјат — успеть пройти, иначе его придавит вечно находящийся в колебании и ритмичном движении небесный свод. У этого опасного прохода лежат груды костей погибших, прихлопнутых здесь зверей и птиц. Земля, находящаяся за пространством, простирающимся за тäңäрä тöзü, т. е. за основанием неба, носит название чын јär — истинная земля.

² Änkäj-хан — живет по пути к јoo-хану у јär јарыбы земной щели или јар kïndigï — у „пуна земли“ или јär түнүгï „земного отверстия“ (түнүк — дымовое отверстие юрты, дымоход жилища).

Курдак јётпәс пәлдү кан,

Кучак јётпәс мојынду,
Курчаңа түшкән саңалду.

Канңа чапкан чырајлұ,
Карыш камакту Кан-Әplik!
Кара күмдүс төжөктү,
Кара мыңық саңалду,
Кәр күмдүс төжөктү,
Кәр мыңық саңалду,
Кара арбымак мінәтү,
Кара пулат ојонду,
Кәр арбымак мінәтү,
Кәсмәк пулат ојунду.

Кара кілің тон кіјгән,
Кәр арбымак ат мінгән,
Кәр кілің тон кіјгән,

Кәр арбымак ат мінгән!
Јанду суруң јәр јајкар,

Jaak саңалың төш јајкан,

Әндү сууруң јәр јајкан,

Әәк саңалың төш јајкан,
Әңдәрбісті әндәргән,
Әplik адам ўч поокту!
Поок торбосту поокторбон,

Пурул адам ўч поокту!

Кан ўлұжү канңа јёт,
Піј ўлұжү піјгә! ат!

Затем шаман призывал двенадцать ёрогү (брöгi) или бајана — небесных духов.

1

Алты катта аj ада!
Паш катта күн әнä!

Имеющий поясницу, для которой
нехватит никакой опояски

Имеющий шею, которую не охватить,
Имеющий бороду, доходящую до
пояса,

Имеющий румяное лицо,
Имеющий лоб в четверть хан-Ерлик!¹
Имеющий постель из черного бобра,
Имеющий бороду из черной шерсти,
Имеющий постель из гнедого бобра,
Имеющий бороду из гнедой шерсти,
Ездящий на черном иноходце,
Играющий черными тучами,
Ездящий на гнедом иноходце,
Играющий с кучевыми — (чернова-
тыми) тучами,

Одевший шубу из черного бархата,
Ездящий на черном иноходце;
Одевший шубу из коричневого
бархата,

Ездящий на карем иноходце!
Круп твой с выдающимися боками
качет — колыхает землю
На щеках борода твоя колыхает
грудь.

Того, кто, ни перед кем не сги-
бался,
Заставивший согнуться,

Отец Ерлик трехзубый,
Того, кто никогда не сгибался, за-
ставивший согнуться,
Отец мой Бурул трехзубый.
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

На шестом слое неба отец месяц
На пятом слое неба мать солнце!²

¹ Ерлик или, как его чаще называли, Адам (т. е. мой отец) пользовался особым почитанием у телеутов. Он жил на чин јәр — истинной земле, далеко за пределами тайштэр төзи за основанием неба.

² См. рисунок на бубне, рис. 8, 7, 2, стр. 110.

Үч катта ёнам Погош, Кајракан!

Төрт катта ёнам яјучы Тäңäрä!

Кан ўлүжү канџа јёт,
Піј ўлүжү піјжә јёт!

Анаң пашка кан ада!

Үн салыжа käliгäр,
Кыjбы салыжа түжүгäр!

Аээрä пурут äüактү,

Јажыл пурут јакалу,
Jättä тапты тапталџан,
Jattä катта кунду,

Анам мäргäн тäңäрä!

Піј ўлүжү піјжә јёт,

Кан ўлүжү канџа јёт!

Анаң пашка кан ада...
Үн салыжа käliгäр,
Кыjбы салыжа түжүгäр!

Cägic катта ојунду,

Cägic тапты тапталџан,
Шарт ајабкан пättü кан.
Чаңыр јалдыс кöстү кан,
Ajас кöстү Чагыр-Кан,

Пулут пättü Бур-Кан,
Анам Бур тäңäрä!
Кан ўлүжү канџа јёт,
Піј ўлүжү піјжә јёт!

На третьем слое неба мать моя
Погош, Кајракан.

На четвертом слое неба мать моя
творец неба!¹

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

2

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

Полы (одежды ее) — кучевые
облака,
Ворот ее — зеленое облако;
На седьмую тапты — наступающая!
Имеющая место игры на седьмом
слое небес,

Мать моя Мерген небо — Мерген
теңере!

Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

3

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

На восьмом слое неба имеющая
место игры;
На восьмую ступень наступающая,
Лазурь небес — лицо его,
Звезды чагыр — глаза его,
С ясными сверкающими глазами
Чагыр-хан,

С видом как облако, Бур-хан,
Мать моя Бур — небо!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

¹ Яјучы-хан — творец, она творит кит — души детей.

4

Анаң пашка кан ада...
 Ўн салыжа käligräp,
 Кыңы салыжа түжүгәр,
 Тоңус тапты тапталған.
 Тоңус катта ојунду,

 Пај караңај таптылу,

 Пала кузук сүдәрлү,

 Ak чударңа күімдү,
 Ak пөс пұра мінәттү.
 Алты тәңәра адазы,
 Алты өркөштү адам Абајош тәңәрә!

 Піj ўлұжү піjгә jät,

 Кан ўлұжү канса jät!

Анаң пашка кан ада!
 Ўн салыжа käligräp,
 Кыңы салыжа түжүгәр!
 Тоңус тапты тапталған,
 Тогус катта ојынду.

 Жажыл-пура мінәтү,
 Жажыл jібәк тіскіндү,
 Жажыл пулат өркөшту,

 Жажыл солоңы тајакту,
 Кызыл пура мінәтү,
 Кызыл jібәк тіскіндү,
 Кызыл пулат өркөштү.
 Кызыл солоң тајакту.
 Адам Кызыған тәңәрә!

Кроме того, хан отец...
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь,
 Наступающий на девятый тапты,¹
 Имеющий игру на девятом слое
 небес,
 Имеющий своей тапты богатую,
 густоветвистую сосну,
 Имеющий покров — тень от моло-
 дого кедра,
 Одеждой ему служит белый плащ,
 Ездащий на бело-сивой буре,
 Отец шести небес,
 Имеющий шесть горбов отец Аба-
 још — небо!
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

5

Кроме того, хан отец!
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
 Наступающий на девятый тапты,
 Ведущий игру на девятом слое
 неба,
 Ездащий на зеленой бур'а,
 Имеющий повод из зеленого шелка,
 Горб его — зеленое лазурное об-
 лако,
 Посох его — зеленая радуга,
 Ездащий верхом на красной бу'ра,
 Имеющий повод из красного шелка,
 Горб его — красное облако,
 Посох его — красная радуга,
 Отец мой Кызыган небо!

¹ При жертвоприношениях верховным небесным духам, в частности, Ульгеню ставили в специально сооруженном шатре (из жердей) — сöölту — березу (у березы обрубали ветви и оставляли лишь вершину). На стволе этой березы делали зарубки. Число зарубок зависело от того, на каком слое неба живет дух, которому совершалось камлание. Эти зарубки носили название тапты и символизировали слои неба (кат). Во время жертвоприношения шаман совершал как бы восхождение на небо по этим тапты. В представлении о березе, на шестнадцатой зарубке — тапты, на которой жил сам Ульгенъ, — нашло свое отражение представление о мировом дереве, вершиною своей достигающем небес. Сама береза в молитвах также носила название „тапты“.

Кан ўлұжү канаңа јät,
Піj ўлұжү піjgä јät!

Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

6

Анаң пашка кан ада!..
Үн салыжа käligräp,
Кыjбы салыжа түjүgäp!
Он тапты тапталған,
Он катта оjынду,

Јажыл пурут јакалу,
Кызыл пурут ѡркөштү,
Ајас пурут nölö алған!
Ажыj поeыj поc пуралу,
Адам järí Ak-Тумат!
Пос пурулар баjбырған,
Адам Тумат-Тәңäрә!
Піj ўлұжү піjgä јät,

Кан ўлұжү канаңа јät!

Кроме того, хан отец!..
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь
На десятый тапты наступающий,
На десятом слое неба ведущий
игру,
С воротом из зеленого облака,
С горбом из красного облака,
Ясное облако разделивший!
Наполненная сверкающими бурами,
Отца моего земля — Белый Тумат!
Сивыми бур'ами владеющий,
Отец мой Тумат небо!
Доля начальника пусть начальнику
достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

7

Анаң пашка кан ада!..
Үн салыжа käligräp.
Кыjбы салыжа түjүgäp!
Он біr тапты тапталған,

Он біr катта оjунду,

Үч сүдäрін саjынған,
Уч солмоны сурлаған,
Әбіr чабіr јылдысту,
Әбіr чыккан ажашту,
Тіzіn ала поокту,
Тöбөn ала чоокту,
Адам поокту Кан-Кайракан!
Кан ўлұжү канаңа јät,
Піj ўлұжү піjgä јät!

Кроме того хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На одиннадцатый тапты наступающий,
На одиннадцатом слое неба имею-
щий игру,
Три покрова на себя возложивший,
Три утренние звезды его сверкают,
С разросшимися кругом деревьями,
С восшедшими кругом звездами,
С зобом, спускающимся на грудь,
С блеском на темени,
Трехзубый отец мой хан-Кайракан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику
достанется!

8

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käligräp,
Кыjбы салыжа түjүgäp!

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

Он бір тапты тапталған,
Он äкі катта ојунда,
Кара кіш јакалу,
Жажыл кумдус äдәктү,
Жажыл пулут öркөштү,
Адам кара кіш тәңәрә!
Піj ўlүжү піjгä jät,
Кан ўlүжү канса jät!

На одиннадцатый тапты наступающий,
На двенадцатом слое неба имеющий игру,
Имеющий ворот из черного соболя,
Имеющий полы из зеленого бобра,
Имеющий горб из зеленого облака,
Отец мой черный соболь небо,
Доля начальника пусть начальнику достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

9

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käligräp,
Кыjцы салыжа түжүgär!
Он äкі катта ојынду,
Жаш тәңәрә јажыткан,
Кök тәңәрә көзүткәn,
Күэйт шаңырт ојунду.
Ak Уlganıç арбын баш,
Ат кöдүрбäс „сыман“ таш,
Ülgan канның „Сурбун“ таш,
Кан Ülganniң кызыл таш,
Jaјучының јажыл таш,
Адам јада-тәңәrä!
Кан ўlүжү канса jät,
Піj ўlүжү піjгä jät!

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На двенадцатый тапты наступающий
На двенадцатом слое неба имеющий игру,
Молодое небо мокрящий,
Синее небо мутнящий,
Раскаты грома игра его,
Белого Ульгения „аркын“ камень,
„Сыман“ камень, который конь не поднимет,
Белого Ульгения „Сургун“ камень,
Хана Ульгения красный камень,
Творца зеленый камень,
Отец мой јада¹ — небо!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику достанется.

10

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käligräp,
Кыjцы салыжа түжүgär!
Он äкі тапты тапталған,

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос,
придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На двенадцатую тапты наступающий,

¹ Јада таш — камень, силою коего производили „дождь, снег или ведро“ (В. В. Биджиев, ук. соч., стр. 66).

Он ўч катта ојынду,
 Ајланыжа ај качырсан,
 Алтын карät јäгингän;
 Ајса күнгä шаңырту,

 Kölönүжä күн качырсан,
 Күміш карät јäгингän,

 Күнгä ајса пызыңан,
 Єксäj Mäксäj тäңäрä,

 Адам пыркан тäңäрä!
 Пij ўlүжü пijgä jät,

 Кан ўlүжü канџа jät!

На тринадцатом слое неба имею-
 щий игру,
 Обойдя месяц, за ним гнался,
 Золотую карету себе запрягший,
 Между луной и солнцем гром низ-
 вергающий,
 Подкрадываясь, гнался ты за солн-
 цем,
 Серебряную карету для себя за-
 прягший,
 Сверкающий при солнце и луне
 Екsey Мексей небо,
 Отец мой буржан — теңере (пуркан
 теңере).
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется,
 Доля хана пусть хану достанется!

11

Анаң пашка кан ада!
 Ўи салыжа käläär,
 Кыjбы салыжа түжүgär!
 Он ўч тапты тапталған,

 Он тöрт катта ојунду,

 Ak Пудајдаң аjрылған,

 Ak Мустајдаң pölyngän,

 Mýс пырчактаң аjрылған,

 Астај Мустај äкі кыс!
 Сүткä паскан таманду.

 Ak ўrүстä јарукту,

 Мустај канның jānī,

 Тäкші тäңäрä тäкші адабас,

 Адам Тотоj-Тäңäрä!
 Кан ўlүжу канџа jät,
 Пij ўlүжü пijgä jät!

Кроме того, хан отец!
 Откликаясь на (мой) голос, придите,
 Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
 На тринадцатый тапты насту-
 пающий,
 На четырнадцатом слое неба имею-
 щий место игры.
 От хана Пудай (пшеница) отделив-
 шийся,
 От хана Мустая (белого льда дяди)
 разделившийся.
 От белой ледяной крупинки —
 льдинки отделившийся,
 Астай Мустай две девицы!
 Имеющие ступни, наступающие
 на молоко,
 Имеющие промысел на белом
 наваре,
 Племянники Мустая (льда — хана —
 дяди)!
 Все небеса (всех небесных духов)
 все не назвать!
 Отец мой Тотой — небо!
 Доля хана пусть хану достанется,
 Доля начальника пусть начальнику
 достанется!

12

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käligräp,
Кыjбы салыжа түжүгäр!

Он баш тапты тапталған,

Он алты катта ојунду,

Адам пыркан äру кыстар,
Адам пыркан jälý кыстар!
Он äкі cälmäncik täbilgän,

Он алты катта ојунду,

Тогус cälmäncik täbilgän,
Тогус сырыйк ојунду,
Jattí cälmäncik täbilgän,

Jattí сырыйк ојунду,
Адам пыркан, пыркан äру,
Адам пыркан, јажыл äру,
Адам пырк насаран äру,
Адам пыркан алтын äру,
Адам пыркан пұдај äру,
Адам пыркан пырчак äру!
Пұдај чылап пурулғандар,

Курчак чылап тögülgändär,
Кыjбылуңа кычалулар,
Кызыл кошто jämättylär-jämzilylär,
Änäm болзо кыстар äру!

Піj ýlýjü píjgä järg,
Кан ýlýjü канça jäti!

Анаң пашка кан ада!
Үн салыжа käligräp,

Кыjбы салыжа түжүгäр!

Он алты тапты тапталған,

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос, придите.
Откликаясь на (мой) зов, спуститеся!
На пятнадцатый тапты наступающий,
На шестнадцатом слое неба
имеющий место игры,
Отца моего Бурхана чистые девицы,
Отца моего Бурхана глупые девицы,
На двенадцать качелей ногой наступившие,
На шестнадцатом слое неба имеющие игру,
Девять качелей качающие,
На девяти жердях имеющие игру;
На семь качелей ногой наступающие,
На семи жердях имеющие игру,
Мой отец бурхан, бурхан чистый,
Мой отец бурхан, јажын ару,
Отец мой бурхан саран ару,
Отец мой бурхан золото чистое,
Отец мой бурхан пшеница чистая
Отец мой бурхан горох чистый!
Подобно пшеничным зернам вертящиеся,
Подобно гороху рассыпающиеся,
Всегда кричащие и зовущие,
Имеющие пищай красные горячие угли,
Матери моей бурхан чистые девицы!
Доля начальника пусть начальнику достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

13

Кроме того, хан отец!
Откликаясь на (мой) голос,
придите,
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
На шестнадцатый тапты наступающая,

Он алты катта ојынду,

Парчазының башчызы,
Барчы ўндаи Бај-Үлгән!
Кан ўлүжү канаңа јат,
Піј ўлүжү піјгі јат!

На шестнадцатом слое неба имею-
щая место игры,
Всех и всего глава
Мать моя богатый Ульгены!
Доля хана пусть достанется хану,
Доля начальника пусть достанется
начальнику!

Шаман вставал со своего места и призывал духа (кәр балык талај канның уланы). Шаман окружал себя обручем курај — рыбой — кәр балык; он как бы опоясывался ею (укрчулаптат), подкрепляя себя для предстоящего трудного и далекого путешествия. Шаман обращался к кәр балык со следующими словами:

Jaýyk түбүн јајкаңан,
Тәңіс түбүн тәңсәчән,
Талај канның уланы,
Үзү тоңбыл кәр балык!

Әр појумуң тоң курчү!
Үч пороло кабыл-кәл!

Глубину разлива колыхающий,
Дно океана колеблющий,
Хана моря сын,
Чудовище — глава рыб с обрублен-
ным ртом!
Для меня мужа ты крепкий обруч!
Приди, охватывая, охвати, окружая,
окружи меня трижды!

Шаман шел к порогу, садился на корточки лицом к порогу и обращался к хозяину порога: „кара көшш-кан позөңонуң äzi“ и через него к его отцу Кар-Адаму или äжік тәңәрә, и просил разрешения итти к духу тәр äzi и помочи — поддержки в этом пути:

Ајна тудар әр(у) тоңузум,

Ајланып јатпас әр јадыңым!

Ај каразы јорукту,

Ају пашмак öдүктү,

Түн каразы јорукту,

Түктү пашмак öдүктү.

Алтон ају тәрәзі,

Ajak укча јәтпә јәтпәйтән,

Јәттоң ају тәрәзі.

Јән учунә јәтпәйтән,

Кәрә соом азулу,

Кәжік пычкак тырмакту,

Адазынаң күчтү туңан,

Адам күчтү, Кајракан,

Үч äжіктү кара Гёöш-Кан!

Мой могучий борец, что в состоянии
задержать злого духа (айна),
Не переворачивающаяся с боку на
бок, лежащая моя чистая колода!
Выходящий на промысел на ущербе
месяца,
Имеющий башмаки из медвежьей
шкуры;
Выходящий на промысел в темноте
ночи,
Имеющий шерстистые башмаки;
Шестьдесят медвежьих шкур,
Невзатает (тебе) на конец ноги,
Семьдесят медвежьих шкур,
На край рукава невзатает (тебе).
Имеющий клык с четверть,
Имеющий когти с обрубок ноги,
Родившийся сильнее своего отца;
Сильный отец мой уважаемый,
Трехдверный черный Гёöш-кан!

Шаман от имени Кара-гёöш откликался, произнося свое имя: — аајты! аајты! Кара-
гёöш! и спрашивал у шамана куда, к какому духу он собирается итти.

Ак аданиң шаңаражып,
Таш орбуңа тајанып,

Табылбыңа шәданіп,
Ак адаңа сөйнүп,
Ала барска тајанып,

Кажы канңа кабылып чыктың?

Кажы піјгә күләп, чыктың?

Шаман отвечал:

Піләр тім сән әдәң,

Пілбәс кулдаң мән әдәм,
Jaan біjіm сәn әdәң,
Jармадыj кулдуң ёмн әдәм!

Кажы канңа кабалып чыңајын!

Кажы біjgә күlәп чыңајын!

Ак аданиң әзінә,
Ала барстың сүрмәдінә,
Ак Мардың Ак Тајлыңа,
Аңыр јалду кыс jälackä.

Ак Мардың Адазына,
Аjыр јалаj Кан-Кычкылбай

Мынаң озо каңылбадым,

Мынаң озо күlәбәдім,

Кабыржам мәнің қајкалар,
Кал јачым тыңыңалак,

Алдым манің ачылғалак,
Арға јалым сөзүлгәләк.

Ар алдымға ѫлчі бәрзән,

Баштап чыңар башчы салған!

„Твоим белым бубном побрякивая,
На каменную колотушку опираясь,
как на посох,
О свою таволгу прислоняясь,
Своим белым бубном подпираясь,
На пестрый барс — рукоятку бубна
опираясь,
К какому хану, мчась, изнуряя
себя, ты идешь?
К какому начальнику, бушуя, ты
с пением отправился?“

Все знающий мой начальник, ты
есть!
Я — раб твой, ничего не знающий!
Великий начальник мой, ты есть!
Я ничтожный раб твой (с крупинку,
подобной отруби)!
К какому хану, изнуряя себя,
с шумом я иду!
К какому начальнику, напевая,
я иду!
К хозяину белого бубна,
К изображению пестрого барса,
Белого мар'a Белому Тайлык'у,
Имеющей гриву жеребца девице
телес.
К хозяину белого мара,
С гривой жеребца, как Кычкыл'у
(я направляюсь)!
До настоящего времени я не мчал-
ся, изнуряя себя,
Раньше этого, я не напевал, с шу-
мом идя!
Ребра мои еще не отвердели,
Последнее ребро мое еще не ок-
репло.
Путь предо мною еще не открылся,
Спина и холка мои еще не при-
мялись.
Вперед меня посла — спутника не
пошлешь ли!
Чтобы руководить мною, руководи-
теля не назначишь ли!

Дух Позою отвечал шаману:

Әр алдыңа äлчі бәрәйін
Баштап чыңар башчы салајын!
Караңының көстө болзын!
Кармаңының колдо болзын!
Кан алдында казыр бол,
Піј алдында піjік пол!
Tiliң болзо јару бол,
Тізан болзо, чөгү бол,
Канда кірзән, кајранал,
Біjgä кірзән, біldі кәр!

Впереди тебя идущего спутника —
посла, да, дам я!
Руководителя, что руководить то-
бою будет, да поставлю я
Пусть будет так, чтобы из глаз
твоих не ушло то, что ты увидишь!
Что нужно тебе захватить, пусть
будет в твоей руке!
Перед ханом сильным будь,
Перед начальником высоким будь!
Язык твой острый, да будет,
Твои колена гибки пусть будут!
Если войдешь к хану, милость
возьми,
Если войдешь к начальнику, муд-
рость увидь!

Шаман произносил благодарность духу Позою;

Мөргү-бә, мөргү!
Алды кіjнім карап калзаң,
Оң көзүнәң көрүп калзан!
Оң алкыжың бәріп калзан!
Ääm көзүн көрүп калзаң!
Äрү чыраj паңып калзаң!

Поклоны, поклоны!
Охраняя меня, оставайся,
Смотря на меня правым глазом
твоим, оставайся!
Давая мне правое благословение,
оставайся!
Ласковым глазом смотря, оста-
вайся!
С лицом, расплывшимся от улыбки,
оставайся!

Шаман вставал и проходил на середину дома. Он снова призывал 27 духов jär жолы, 12 — духов баана и своих тös'ов — свое многочисленное, словно ласточки, войско карлығаштың калын чәрү. Все эти духи будут ему сопутствовать. Сильным ударом в бубен он присоединял к своим спутникам еще и älchі — послы, полученного им от хозяина двери — позою. Затем он призывал опять свой курчу — обруч духа кәр балық. Садился на корточки около печи, лицом к отверстию ее, и обращался к от'янä — матери огня, прося у нее себе спутника и помощника.

Одус башту от ёнä,
Кырык бату кысäнä!
Чijdі болзо, пыжырсан,
Тоңды болзо, äрткän.
Jажыл јалын кубатту,
Jажыл торко кijimdү,

Кызыл јалын кубатту,

Тридцатиголовая мать огонь,
Сорокаголовая девица мать!
Сыреое варящая,
Мерзлое оттаивающая!
Зеленое пламя веселящая,
Из зеленого шелка имеющая
одежду,
Красное пламя веселящая,

Кызыл торко күімбү.

Таш очоңун салынған,

Талкан күлүн јастаңан,
От јаказын ојноткан,
Күл јаказын күбүряткән,
Одус пашту от ёнай,
Ојсон камыш кулакту,
Кырык пашту кыс ёнай,
Кыңан камыш кулакту,

Үч очокту ёзі кан,

Үрүм талдың мүзі кан,
Үзүлүп ўскә түшкән кан,
Ja јылып көккә тамән кан,

Ажыра білгән Оймок ару!
Ар алдымға ёлчі баңзан!

Баштап чыңар башчы салзан!

Ak Мардың ak Тајлық'ка,
Ајбыр јалду кан Кычкылда,

Мынаң озо каңылбадым,
Мынаң оао јялбадым.

От-ёна ничего не отвечала шаману — она никогда не вступала в разговор с шаманом — она просто посыпала ему от себя спутника — помощника älri (посоха).

Шаман вставал, ударял в бубен и трижды произносил: „оп куруй!“

Затем он обращался к духу пај паңа.

Әкі көзү кызарышкан,
Тануладару сарғалышкан,
От ордунча пај баңа,
Тура јіктү тос көнөккө,

Алаганың јаба тут!

Шаман снова призывал кәр балык. Размахивал трижды бубном. Повертывался делал движение бубном в направлении четырех углов дома и говорил:

Аланчыңым ak јалыным!
Сәгіс кыјын торт толуңум!

Из красного пламени имеющая
одежду!

Каменный очаг на себя возло-
жившая,

Толкан золу под себя постелившая,
Края огня заставившая играть,
Края золы разрыхляющая,
Тридцатиголовая мать огонь,
С ушами из гнутого камыша,
Сорокаголовая девица мать,
С ушами из кососрезанного
камыша,

Хозяин трех очагов — треножника
хан,

Хан с рогами из тальника,
Обрываясь, падающий на навар, хан,
Расстилаясь, капающий на землю,
хан!

Всезнающая Оймок, чистая!

Впереди меня идущего мужа
спутника,

О, если бы ты дала!

Мною руководящего руководителя
О, если бы ты поставила!

К белого мара белому Тайлыку,
К кан-Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,

До настоящего времени я не ходил,
Раньше этого я не направлялся!

С двумя покрасневшими глазами
С пожелтевшими ноздрями,
Богатая лягушка, что в огнище!
К моему берестяному кёнок'у, имею-
щему поперечный шов,
Лапу твою приложи и прикрой его!

Моя юрта аланчик, белое пламя!
С восемью косыми обрубами четыре
угла мои!

Оң көзіннәң көрүп калсан,
Оң алдыжың пәріп калсан!

Правым взглядом взгляни,
Правое благословение дай!

Снова повертывался кругом и кланялся всем присутствующим людям — старым и молодым, которые будут сидеть в продолжение всего камлания, и просит их петь и кричать с ним вместе, т. е. помогать ему совершать камлание.¹

Сај сөгүм сакчылары,
Саналғанда курчуларым!

Караульщики моих костей — гальки,
Когда мне понадобится, вы мои
кольчуги — обручи!

Кудың бажы қажақандар,

С побелевшими, как у лебедя
головами,

Кускундың тіжі сарбалғандар!

С пожелевшими, как у ворона,
зубами!

Оң көзүннәң көрүп калсан,
Оң алкыжың пәріп калсан!
Сај сөбүмнүң сакчылары,
Саналғанда курчуларым!

Правым глазом взгляните,
Правое благословение дайте!
Охранители моих костей — гальки,
Когда мне вздумается, вы мои
кольчуги — обручи!

Кыңды мынаң ычкы тынаң!

Криком и кряхтением (мне помо-
гайте)!

На призыв шамана с ним вместе кричать и петь присутствующие отвечали возгласами.²

Шаман снова призывал кär балык и начинал медленно двигаться, ударяя в бубен, к көнök'ам.

Шаман пел. Ему подпевали все присутствующие, исключая женщин.³

Шаман, обращаясь к көнök'ам и толу, отсылал их к духу ak мар'у.⁴

Айдың болзо, аруунда,
Күннүң болзо, көркүндә,

Когда месяц светит в новолуние,
Когда солнце сверкает в ясный
день,

¹ Пережитки стадии „коллективного камлания“ (массового) — сохранились в обычаях, согласно которому все присутствующие на камлании, должны были выкриками, возгласами „помогать“ шаману участвовать в совершении обряда. Кроме того, у телеутов существовали особые помощники шамана тämчäär тäm кошкон кiжäär или: тäm кошjатан кiжäär. Обычно это были молодые люди, обладающие соответственными голосовыми и музыкальными данными, а также хорошей памятью. Шаман усаживал их рядом с собой на скамью. Там они сидели в продолжение всего камлания. Они должны были на память, вслед за камом, повторять все шаманские призывания и продолжать петь одни, когда кам уставал и делал небольшие передышки. В награду за помощь шаман угождал им вином и жертвенным мясом. Особой платы не полагалось. Это были любители, которые по своему усмотрению могли пойти или не пойти на камлание и помогать шаману. Но среди них были и такие, можно сказать, признанные помощники (особо умелые, хорошо поющие и т. д.), за которыми шаман перед камланием специально посыпал и приглашал ему помогать и присутствие которых считалось почти необходимым.

² Возгласы присутствующих продолжались в течение всего камлания.

³ Женщины, видимо, исключены из участия в камлании, сохранившем, в большинстве случаев, родовой характер, как чужеродки.

⁴ В настоящей работе приведен вариант камлания, совершающегося весной. Осенью шаман начинал камлание с описания осенней природы.

Жылдың бажы ајланғанда,
Жылан бажы сајылғанда,
Ämäl аңаш пүр алғанда,

Ääк куук қыжырғанда,
Jär жарылып пүр чыкканда,

Аңын суум пузулғанда,

Ak тајка пүру сөзүлгәндә,
Ат көдүрбәс ар толум,

Аңым көгүн чаңылды отур,
Aj оңунча пурулуп отур!
Көдурмәлү köl тәпшім,

Көк ўрүс-чә жајылып отур,
Күн оңунча пурулы отур!
Тура жіктү тос көнөгүм,

Mälkiлdägäն пај сабам!
Äр алдымнаң жајалы отур,
Аткан октоң äңіл ал,
Ак-кан сұдаң шурқун тарт!
Ал тајкабаң ажу ал,

Аңың сұдан кäчү ал!

Голова года когда повернулась,
Змея когда сменила кожу,
Когда на плодовых деревьях появились листья,
Когда закричала кукушка,
Когда расщепились деревья и появились листья,
Когда текущие воды разбили ледяной покров,
Когда склон горы распоролся,
Чистое толу мое, что конь не может поднять,
Сверкай белым и синим блеском,
По ходу месяца, повертывайся!
Годная к возношению — как озеро сельница моя,
Разливайся, как синий навар.
По ходу солнца повертывайся!
Мой берестяной туяс, имеющий поперечный шов,
Покачивающаяся моя саба!
Впереди меня — мужа продвигайся.
Легче выпущенной летящей стрелы,
Быстрее текущей воды (иди).
Через белую тайгу — гору перевал бери,
Через быструю воду переправу бери!

Шаман, произнося полное название духа ак мар'а, ударил в бубен. Затем наклонялся, поворачивался к двери дома и долго бил в бубен. Этим он как бы отправлял толу и кёнок к духам, которым они предназначены. Это действие носит название табу какјат, оно повторялось три раза. Три раза шаман повторял все слова, начиная с „ајдың болзо арунда...“

Шаман уходил из дома. Выходил на улицу и там еще один раз повторял все слова, начиная с „ајдың болзо арунда...“

Шаман возвращался назад, произносил при входе конец обращения к кёнок'ам и толу: „ал тајбадаң ажу ал, аңың сұдаң кäчү ал!“

Он двигался в доме, обернувшись спиной, и несколько раз произносил слова: „табу дәп“. Доходил до середины пола и продолжительное время вертелся по солнцу, долго ударял в бубен и выкрикивал „aj, хооо!...“ Останавливался. Затем, снова долго вертелся, повторяя все тот же выкрик „aj хооо!..“ Это означало, что шаман отправился в свой путь. Он едет на своем бур'е. При этом он призывал своего бура так, чтобы никто этого не заметил.¹

¹ Шаман скрывал своего бура, так как враждебные ему, шаману, духи, желая погубить его, подкарауливали его и стреляли в него из луков.

Шаман размахивал орбой и с возгласами „шау, ауу“, останавливался по средине дома. Стоя там, он произносил имя јүйыка јүрәкәй хана, духа невысокой горы,¹ расположенной недалеко от улуса Чолухоя, почитаемой телеутами.

Улу Бајат кәзә отурңан,

Старшим — великим Бочатом

ведущая,

Үссөн јаның ўч казық,

Вверху у тебя три кола,

Алдын јаның муң казық,

Внизу у тебя тысяча колов,

Үч толукту ѫнам јүрәкәй, Кајракан!

О трех углах, мать моя јүрәкәй
Кайракан!

Кол көдурзәм чачу ал,

Если подниму руку, кропление
возьми,

Колтык ачсам, ўлүү ал,

Если подмышку раскрою, долю
возьми.

Торок полғон пажыңа.

На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою
(пусть падет)!

Тарсма полғон сыныңа.

Празым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Оң көзүннәң көрүп кал,

Я потомок — последыш кама Карбоа,
Я семя — кама Пёнока,

Оң алкыжың пәріп ал!

К каму Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,
Бушуя и мчась, я направляюсь!

Мән сабылып пар јарым!

Я потомок — последыш кама Карбоа,
Я семя — кама Пёнока,

Карлықаштың калың чәрү.

К каму Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,
Бушуя и мчась, я направляюсь!

Ар алды-минаң јајалы отурңар,

Словно ласточки могучее много-
численное войско,

Мәніә полууп кабычы отурңар!

Впереди меня, мужа, продвигайся,
Подобно мне мчись и вперед
направляйся!

Шаман называл имя орбу äzi — хозяина колотушки:

Карлықаш пашту кан кызыл јар
кәзә білгән,

Ханом красного Яра, имеющим
голову ласточки, правящая,

Сары Чымыш кәзә отурңан,

Сары Чымышем владеющая.

Анам тојлу, Кајракан!

Мать моя, тојлу Кайракан!

Таш орбұң äzi,

Хозяин каменной колотушки,

Табылдымыңң сүрмәді!

Таволжника моего изображение!

¹ У каждого улуса свой јајык. Это может быть гора, плоскогорье или даже стена. Так, у Большого улуса јајык-Кубазан, у улуса Черту — jäläш-хан.

² Приведены духи-предки кама Канакая. У других шаманов это место камлания варьирует, так как они призывают своих төс'ов.

Затем шаман обращался к хозяину бубна:

Аңы Мардың ak Tajlik,
Ak пос адын јараткан,
Көгү Мардың көк Tajlik,
Көк пос адың јараткан!
Көк марын тајанған,
Көгү марын тудунған,
Алты ёркөштү ak аданның әзі!

Белого мара белый Тайлык (конь),
Бело-сивого коня снаряди в путь,
Синего мара синий Тайлык (конь)
Сине-серого коня снарядал!
На синий барс опирающий,
Синий барс держащий,
Шестигорбого белого бубна хозяин!

Шаман призывал того духа, „от которого он сотворился“, т. е. того духа, который пересотворил шамана (см. выше).

У кама Канакая это дух Соом адазы јёй-кан.

Алтын Соомның адазы,
Үр Сомның әзі!
Үч тәңәрә тәбілған,
Тәмір таңдак пазылған!
Алтын параты ачыл-јабылған,

Алды сөйгү сајланған,
Күштуң сөйгү кужалған.
Ак чалдарға мінатү,
Ајқыр јалду Јёй-Кан!

Шаман выбирал себе в спутники на дальнейший путь кого-нибудь из старших духов јэр-жол. Никто из этих духов не имеет права отказаться от сопровождения кама.¹

Шаман вертелся. Все присутствующие громко кричали. Это означает, что шаман дошел до второго яйык'а.

Шаман размахивал колотушкой и кричал шауу, а затем произносил имя яйык'а.

Күчү Бајат кәзә отурған!
Күс чырајлу куба кадын!
Кол көдү'рзәм, чачу ал,

Колтык ачсам, ўлүү ал.

Тарак полғон пажыңа,
Тарсма полғон сыныңа!

Оң көзүннаң көрүп Кал,
Оң алкызың пәріп кал!

Малый Бачатом ведущая,
С лицом девицы бледный хан.
Если руку подниму, кропление
возьми,

Если подмышку раскрою, долю
возьми.

На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою
(пусть упадет)!

Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

¹ Исключение составляли духи сом әзі и Адам. Они находились в постоянной, давней вражде друг с другом, отчего, когда шаман шел к Адаму, он не брал с собой соом әзі и наоборот.

С этими словами шаман проходил владение второго јајык'а. Шаман садился. Призывал себе в помощь еще кого-либо из духов, по своему усмотрению. Призыв к духу он заканчивал словами:

Әр алдымнаң кабылы отур,
Мәнчә полуп јајалы отур!

Впереди меня, мужа, продвигайся,
Став, как и я, мчась и бушуя,
направляйся!

Шаман вставал и опять вертелся: все присутствующие кричали и подпевали шаману; шаман подходил к третьему јајык'у; он обращался к этому јајык'у:

Әнäm Сыңырлык kää отурған,

Матерью моей Сыңырлык'ом вла-
деющая,

Ат пулују пај Караңај,
Әнäm чымај, Кајракан!
Кол көдүрзәм чачу ал!
Колтук ачсам, ўлүү ал!
Тарап полбон пажына,
Тарсма полбон сыныңа!
Оң көзүннäң кöröп кал,
Оң алкыжың пäріп кал!

Богатая ветвистая сосна—коновязь.
Мать моя, Чыман Кайракан!
Руку подниму — кропление прими!
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Шаман проходил владения третьего јајык'а. Садился и призывал еще какого-либо духа себе в спутники, заканчивая свое обращение следующими словами:

Әр алдымнаң кабылы отур,
Мәнчә полуп јајалы отур.

Впереди меня, мужа, продвигайся,
Став, как я, мчась и бушуя, направ-
ляйся!

Шаман вспоминал об отосланных „табұ“¹, т. е. о көнөк, тәпші и толу, — которых он отправил к духу („табұ“ идут впереди шамана, направляясь к духам мар әзі и ак мар’у).

Шаман обращался к своим төс’ам — кровным духам и сопутствующим его духам жарыл и пајана,¹ спрашивал их о судьбе „табұ“ и просил догнать их:

Пајаңы парған пај табұлар,

Давеча отправившиеся богатые
табулар’ы,²

Канча тајка кажа бәді-нä,

Сколько-то гор они теперь пере-
валили,

Канча талај кäчä бәді-нä?
Көргөн жарға көрө јаткäр,

Сколько-то рек они теперь перешли,
В той земле, где увидите их, там
и догоните,

Сүргän жарға сүрә јаткäр!

Там, где их настигнете, там и
нагоните.

¹ Духи жарыл и пајана в данный момент, поскольку они сопутствуют шаману, являлись также его төс’ами — духами-помощниками.

² Под „табулар“ подразумевались духи-помощники шамана, сопровождающие жертву к тому или другому духу, а также уносимая ими жертва (предметы, отправленные к духу).

Шаман подходил к четвертому јајык'у. Шаман кружился и обращался к этому јајык'у:

Äjälü сіндү äкі чарту кәзä білғän!

Ат пулузы куказык,
Аїңыр јалду кыс jäläc!
Кол көдүрзäm, чачу ал,
Колтык ачсам, ýlýy ал!
Тарак полбон пажыңа,
Тарсма полбон сыныңа!
Оң көзүннäң кöröп кал,
Оң алкыжың пäröп кал!

Призывал еще какого-либо духа. Садился и говорил про табү, обращаясь к своим духам:

Табұдың бажы кörünä-bädi,
Толұдың бажы пілдіrä-bädi?!
Көргөн järgä кörö jätkäp,
Сүргän järgä сүргä jätkän!

Шаман вставал, кружился: он подходил к пятому јајык'у и призывал его:

Äjälü сіндү äкі Оскотты кәзä
bilgän,
Äнам коңус, Кајракан!
Кол көдүрзäm, чачу ал,
Колтык ачсам, ýlýy ал!
Тарак полбон пажыңа,
Тарсма полбон сыныңа!
Оң көзүннäң кöröп кал,
Оң алкыжың пäröп кол!

Шаман проходил пятый јајык. Шаман садился. Теперь шаман уже нагонял свои табү. Духи, как бы сопровождающие табү, — тös — выражали шаману свое неудовольствие; от лица их всех один дух говорил шаману:

Алаj, алаj, алаj, алаj кам!
Сактаj, Сактаj сак полдым,
Саңыскан куjруңун шарт Кäстім.

Кара järíң казындын-ба?!

Катү аәжакың чамындың-ба?!

Кам отвечал им:

Кара järim казынбадым,
Катү аәжакым чамынбадым!

Старшая и младшая две сестры
Чарту — всезнающие!

Конская привязь серый кол,
С гривой жеребца девица Телес!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми
На гребнеобразную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Конец табү (голова табу) видна ли
стало!?

Конец толу (голова толу) заметна ли
стало!?

На том месте, где увидите, догоните,
На том месте, где достигнете, за-
хватите!

Младшей и старшей сестрам и
Оскот владеющая,
Мать моя, Коңчус Кайракан!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом взгляни,
Правое благословение дай!

Алай, алай, алай, кам!
Ждал, ждал, заждался,
(От нечего делать) хвост сороки
я отрезал.
Черную землю копал что ли ты?
Твердое дерево тесал что ли ты?

Черную землю я не рыл,
Твердое дерево я не тесал!

Ајлудуң күні күч полуп,
Ајік полуп кабылып јаттім!
Күндүнің күні күч полуп,
Күндүк полуп кабылып јаттім!
Корлонбоңор коксунбаңар,
Табұчылар толұчылар!

Теперь шаман донгали своих табу. Он размахивал колотушкой, обводил ее вокруг конёк и толу и произносил алас:

Ak Ылғанің чын алас!
Ат көдүрбәс ар толум,
Абын көгүн чаңылы-отур!
Тура жіктү тос көнөгүм!
Mälkildігән пај сабам!
Көдүрмәлү көл тәпшім!

Көк пулут-ча көчүп отур,
Көк ўрүс-чә јаылы-отур!
Аյыр жалдү кан Кычкылза,
Аткан октоң сүргүм тарт!
Аккан суудаң түргән ал!
Äр алдымнаң јајалы-отур!

Шаман вертелся на одном месте. Все присутствующие кричали.
Шаман садился и призывал какого-либо из своих духов.
Он вставал и кружился.

Подходил к шестому јаық'у и с криком „шау“ проходил мимо его владений. Он называл имя јаық'а:

Көзноң гөжү јабылу,
Түнүк ажі пүркәлү,
Күндүгә ўн пәрбәйтән,
Ајлуңа кыңы самыш пајтан,
Күл торонуң чыкканјэр!

Живущих под месяцем жалко было оставить,
На месячный срок задержавшись,
теперь я примчался,
Живущих под солнцем трудно было оставить,
На сутки задержавшись, теперь я примчался!
Не возмущайтесь, не порицайте,
Вы, сопровождающие табу и толу!

Белого Ульгена истинный алас!
Чистое толу мое, которое конь не в силах поднять,
Синими и белыми огнями сверкай!
С поперечным швом берестяный конёк мой!
Покачивающаяся богатая саба!
Озеро — сельница моя, годная для возношения!
Подобно синему облаку, продвигаясь,
Синим наваром разливайся!
К хану-Кычкылу, имеющему гриву жеребца.
Выше летящей стрелы высоту небес набирай!
Быстрее текущей воды быстроту бери!
Впереди меня, мужа, мчись!

Окошечко закрытое,
Дымовое отверстие закупоренное,
Под солнцем живущему человеку,
голоса не подающая,
Под месяцем живущему человеку,
криком не отвечающая,
Земля, откуда вышел — произошел
рол (сёök) торо, многочисленный,
как зола!

Кол көдүрзәм чачу ал,
Колтук ачсам ўлүү ал!
Тарак полбон пажыңа,
Тарсма полбон сыныңа,
Оң көзүннәң көрүп кам,
Оң алдыжың пәріп ал!

Позвав еще одного духа себе в спутники, шаман совершил алас над табу:
Вставал, вертелся — это означало, что шаман подходил к седьмому яйык'у.
Шаман обращался к яйык'у:

Оңум, оңум айры баштары,
Анäm шарат ічтәрі!
Кол көдүрзәм чачу ал,
Колтық ачсам, ўлүү ал!
Тарак полбон пажына,
Тарсма полбон сыныңа!
Оң көзүннәң көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Шаман садился и призывал себе в спутники еще одного духа. Затем вставал и совершил снова алас над табу.

Шаман начинал быстро кружиться, все присутствующие кричали. Шаман проходил мимо восьмого яйык'а. Шаман говорил:

Алдын јаның кät, Кајракан!

Уссён јаның ёнäm Саныс, Кајракан!

Аңын суу ѫс тадыңан,
Ак чабаңын мај тадыңан.

Алтын сајлу ёнä Том!
Күмүс сајлу күні Том!

Ак палыңыңаң мај тадыңан,
Аккан суу іңнаң ѫс тадыңан;
Кöк палыңыңаң мај тадыңан.
Кöдүн сууң мај тадыңан,

Анäm Саныс, Кајракан!
Кол көдүрзәм чачу ал,
Колтук ачсам ўлүү ал!
Тарак полбон пажыңа,
Тарсма полбон сыныңа!
Оң, көзүннән көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

С отвесными склонами истоки реки,¹
Течение матери Шарап!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Шаман садился и призывал себе в спутники еще одного духа. Затем вставал и совершил снова алас над табу.

Шаман начинал быстро кружиться, все присутствующие кричали. Шаман проходил мимо восьмого яйык'а. Шаман говорил:

Нижняя твоя сторона реки Кет
Кайракан,

Верхняя твоя сторона, мать моя
Сангыс Кайракан!

Текущая вода твоя — сладкий навар,
Твоя рыба, белый чабак, жирная на
вкус,
С золотой галькой мать Томы!
С серебристой галькой любимая
Томы!

Белые твои рыбы жирны на вкус.
Твоя текущая вода — сладкий навар,
Синяя твоя рыба жирна на вкус,
Твои волнующиеся воды — сладкий
навар,

Мать моя Саныс Кайракан,
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою,
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение дай!

¹ Болото, где берет свое начало река Шарап.

Шаман садился и звал к себе еще одного духа. Затем вставал и начинал вертеться. Шаман просил пить, он обращался к присутствующим:

Аjlū järdiç kara suçat,
Ајлангај-мінә арт сöң-мынаң!
Ajak алчазың кöröp jär käldi,
Чöчiј алчазың тудар jär käldi!

Черный водопой земли, освещен-
ный месяцем,
Вслед за мной не повернется ли!
(Вот) дошли до места, где надо смо-
треть на чашу, упавшую вниз дном,
Наступило время держать чашу,
упавшую вниз дном!

Шаману подавали пить из маленькой деревянной чашки чööчiј.

Выпив воду, шаман не выпускал изо рта чашку, он держал ее зубами. Затем при-
давал бубну почти горизонтальное положение (лицевой стороной вверх), ставил на него
чööчiј. Держа чашку на бубне, он покачивал бубен и произносил следующие слова,
обращаясь к своим тöс'ям:

Aęash ajaçy ajludyjы,
Аýын алчазы аjбыр јалду Кычкыл
кандыjы!
Чöчiј аjaçы күндү дiјi,
Чöök алчазы аjбыр јалду Кычкыл
кандыjы!
Közi јаман кöргүс пägär,
Kүni јаман таңдатпаңар.

Деревянная чаша — людям, живу-
щим под месяцем,
Белое чистое падение чаши вниз
дном — хану Кычкылу, имеющему
гриву жеребца, достанется!
Чаша для вина Чöчий — для людей,
живущих под солнцем,
Жертвенное падение чаши — для
Кычкыл хана, имеющего грину
жеребца!
Не показывайте злому глазу,
Скверным желаниям не давайте
осуществляться!

Присутствующие отворачивались и закрывали глаза, чтобы не смотреть на чашу.
Шаман звал к себе своего тöс'a — птицу мörküt — беркута.

Базар пузар канатту,
Jабар јубар кујрукту,
Aj тумчуңун мүс полбон,
Aj тырмаңын jäс полбон,
Үлбән кужу паj мүркүт,
Jäс тырмакту кара күш!

С взмахивающими крыльями,
С опущенным хвостом,
Твöй лунообразный клюв, как лед,
Твои лунообразные когти, как медь,
Ульгеня птица богатый беркут,
Имеющая медные когти черная
птица!

Обращаясь к духам-спутникам, говорили:

Сабылтарça салбаңар,
Чајбалтарça пärbägär,

Качаться, колебаться не давайте,
Пошатнуться не допускайте!

Шаман сбрасывал чашку бубном, переворачивал бубен и старался поймать ее
внутренней стороной бубна (ајак алчалаң јат). Считается не важным, куда упадет чашка,
в бубен или мимо бубна, на пол. Важно, как упадет чашка: вверх дном или вниз дном.¹

¹ Алча түшсә јакши кötгöрö түшсә јаман — если вниз дном упадет — хорошо, если
вверх дном — плохо.

Если чашка упадет вверх дном (көмдөрө), шаман снова сбрасывал чашку, и так повторял до тех пор, пока чашка не упадет алза — вниз дном. Тогда тот человек, который подавал шаману пить, берет чашку и делает круг чашкой над огнем.

Шаман садился и говорил, обращаясь к присутствующим:

Алкыжым јәтсін ўссүн Улғанға

Алкыжым јәтсін алдыңғы јуска!

Оң көзүнән көргө діј ошкош,

Оң алкыжың пәргәй діј ошкош!

Әәм көзүн көргөдіј ошкош.

Әрү чырај пакадыј ошкош!

Әзәндіккә пәргәдіј!

Әлбәк күнгә јајаң-мінә,

Тұрсүн дәјін паргәй-мінә,

Тұқтәп ала јајаң-мінә?!

Если чашка упала вниз дном — алча, это означает, что Кыч-Кылкан хорошо примет шамана.

Шаман вставал, вертелся, подходил к табу и сотворял над ними алас.

Снова вертелся и при общем крике проходил девятый язык.

Призывал последнего на своем пути, девятого языка:

Сурук чатпәс таш көнөк!

Әнәм прас ічтәрі!

Кол көдүрзәм, чачу ал,

Колтуқ ачсам ўлүү ал!

Тарап полғон пажыңа,

Тарсма полғон сыныңа!

Оң көзүннән көрүп кал,

Оң алкыжың пәріп кал!

Шаман садился и призывал себе еще нового спутника-духа. Вставал и совершил алас. Теперь он приближался к месту, где расходятся дороги семнадцати ханов — духов. Он громко восклицал:

Он јәтті канның јарылғыш,

Ончо канның тарам јол!

Кол көдүрзәм сачу ал,

Колтуқ ачсам, ўлүү ал!

Пусть благословение мое дойдет до верху находящегося Ульгена,

Пусть благословение мое дойдет до нежных духов јәр-јол!

Похоже, что (хан) правым глазом взглянул,

Похоже, что правое благословение дал!

Похоже, что ласковым глазомглянул,

Похоже, что приветливое лицо к нам обратил!

Для здоровья благополучия (нашего) оказывается дает (знак)!

Не сотворит для долгих благополучных дней,

Потомства похожего (по образцу лица человека) не даст ли?

Скота, похожего по шерсти, не сотворит ли?

Каменный көнөк, до дна которого не достает жердь!

Течение матери моей реки Мрассы!

Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!

На гребневидную твою голову,

На струнообразную твою спину!

Правым глазом твоим взгляни,

Правое благословение твое дай!

Семнадцати ханов разделение путей,

Где расходятся дороги всех ханов!

Руку подниму — кропление прими,

Подмышку раскрою — долю возьми!

Тарак полғон пажыңа,
Тарсма полғон сыныңа!
Оң көзүңнаң көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

На гребневидную твою голову,
На струнообразную твою спину!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Шаман вставал и, держа бубен на руке над левым плечом, ходил взад и вперед по дому. Садился и снова вставал, и опять продолжал ходить. Он искал те места, где ходил конь, шкура которого пошла на обтягивание его бубна. Духи показывали ему все пути, когда-либо пройденные этим конем. Шаман находил также то место, где срубили дерево для его бубна.

Шаман говорит, обращаясь к своим родным духам — тос'ам:

Алты ѡркөштү ak аданның алтын
каждын.
Кажы јәрдән кәсті-нә?
Кажы суудың кажынаң?
Кажы туудуң бурунаң?
Алты ѡркөштү ak аданса

Јапкан бајтал кажы сууда полды-нә?
Кажы јардә ёстү-нә?
Үссөн Ўлғанің, алдыңы јуугум,
Чолмон болғон көстүләрім,
Калкан ала кулактулар,

Тәжә ала көрө бәргәр,
Таба ала сыңај бәргәр!

Золотую обечайку шестигорбого белого бубна
В какой земле срубил?
На берегу какой реки?
На склоне какой горы?
Байтал, шкура которого пошла на покрытие шестигорбого белого бубна,
На берегу какой реки жил?
В какой земле вырос?
Верхний Ульгень мой и нижние духи,
Имеющие ясные, как звезды, глаза,
Имеющие чуткие, прислушивающие уши,
Пронизывая взглядом, посмотрите,
Проникая насквозь, всматривайтесь — вникайте!

Тос разузнают, где пасся конь и где росло дерево. Их слова шаман повторял присутствующим.

Духи откликались шаману:

Аајтә, аајтә, аајтә!

Шаман пел:

Алты ѡркөштү ak аданның алтын
каждын,
Алтын сајлу ўнә Томның,
Әнәм саңыс, Кајраканың појунаң
кәстір.

Алты ѡркөштү ak аданса јапкан
бајтал,
Äjälү сіндү äкі оскоттың,
Әнам коңыс Кајраканың ічінда
ёстүр

Золотую обечайку шестигорбого белого бубна
На реке матери Томи с песчаной отмелью,
На берегу реки Саңыс матери моей уважаемой,
оказывается, срубили.
Байтал, шкура которого пошла на обтяжку шестигорбого белого бубна,
На берегу рек двух сестер Оскот,
В предалах матери моей Коңус уважаемой, оказывается, вырос

Алты көстү ала барсын Улу Бајат
іңінаң,
Жүрәкәй канның појунаң кәстір.

Духи — төс'ы — показывали шаману все места, где ходил конь, тот склон горы, где росло дерево. Шаман долго (иногда 2—3 часа) ходил взад и вперед и рассказывал своим слушателям и духам:¹

Алты ёркөштү ak аданиң алтың
каждын!

Änä Томның каждынаң рак ѡмас.
Пуйк тундуң пурұнаң,
Күн түстүгү јанынаң,
Кузук ағашту кәскән полтур.
Кузук ағашту кәскән јәрдәң туруб-
алып,
Күн түстүгүн көргөндө,

Јажыл торко јајсан ошкош,
Јаказы сылу Том ѣнә полтур.
Кызыл торко јајгандыj,
Кујузы сылу Том ѣнә полтыр.

Мының пүткән јәрім көрзөң.

Јонып којен пілүді ошкош,
Мындаңы пүткән ағашты көрзөң,

Кошкоп јонгон окты ошкош.

Сыбыскыдыj түуларын көрзөң.
Сылағардыj сындарын көрзөң,

Мындаңы јаткан јурттарын көрзөң,

Мындаңы јаткан älädäriң көрзөң,

Кара чымындыj көбүзүн көрзөң,
Мындаңы нүткән малдарын көрзөң,

Кара таандыj көбүзін көрзөң,
Пулардың ічкән сууларың көрзөң,

Шестиглазый пестрый барс,

На берегу реки Большой Бочат,
В пределах самого хана Урекей,
оказывается, срубили.

На золотую обечайку шестигорбого белого бубна!

Недалеко от берега матери Томи,
На склоне высокой горы,
На полуденной стороне,
Кедр дерево срублен был,
Стоя на том месте, где дерево —
кедр срубил,
(Человек его срубивший) на южную
сторону поглядел,
Словно зеленый шелк разостлан —
То берег матери Томи был,
Словно красный шелк разостлан —
То откосы матери красавицы Томи
были.

На созданную здесь землю, если
взглянешь,

Она подобна отточенному брусу.
Если на здесь выросшие деревья
взглянешь,
Они подобны обструганной и оскоб-
ленной стреле.

Если взглянешь на свистящие горы,
Если взглянешь на сглаженный
хребет,

На раскинувшие здесь стойбища
если посмотришь,

На живущий здесь народ если
взглянешь,

Их много, как черных мух.

Если на тот пасущийся скот взгля-
нешь,

Его много, как черных галок.

На те воды, которые они пьют,
если взглянешь,

¹ Кам чанап јат — шаман видел и узнавал посредством своих духов.

Аѣын суу ўс тадып ат,

Ак чабаѣы мај тадып јат.

Аїлана пўткән тууларын көрзөң,

Ак туманы јајыл-турғаны
Албаты јоның ажырат турған.

Алдызының көбүзің көрзөң,
Ак көбөлөктіј јабырап турғанын;

Топтој-пўткән тууларын көрзөң,

Толғонып аккан сууларын көрзөң,

Тус туманы јајылып турғаны.
Тундура пұткән јыштарың көрзөң,

Тәкші калыңын ажырап турған.
Канатту кужунуң көбүзің көрзөң,
Көк көбөлөктүй күбүрап турған.

Кузук агашты кәзәр тушта,

Көк сү түјүк күндү ѫл
Туудың пурұнаң турупалып,
Әбәрәдә көрүп макатып туру,
Калтақым сәән! Тагән болтур:
„Мында јадып јуртазам-чى!
Мында јадып ѫлдәзәм-чى!
Мынаң ојто јанбас ползом-чى!

Мынаң ојто пурбас ползом-чى!

Аныып сүләп көңүлгән болтыр.
Кузук агашту кәзәрдә,
Канча пілгәнің алкасан болтыр,

Үссүн Ўлгәнің адасан болтыр,

Адынгы јузын кычырсан болтыр,

Текущая вода кажется сладкой, как навар,

Белый чабак-рыба на вкус, как масло.

Если взглянешь на горы, кругом выросшие,

Белые туманы (с гор) расстилаются.

Если посмотришь на множество звёзд,

Что кормят подданный народ,
Они, словно порхающие белые бабочки.

Если посмотришь на кучеобразно нагроможденные горы,

Если посмотришь на извилисто текущие реки, —

Расстилаются солеобразные туманы,
На выросшие непроходимые леса посмотри!

Если на множество крылатых птиц,
Весь народ кормящих, взглянешь,
Птицы умножатся, точно синие бабочки.

В то время, когда срезали дерево кедр,

Живущие под солнцем люди,¹

Стоя на склоне горы,

Смотрели кругом и восхищались.

Они восклицали:

„О, если бы я здесь жил!

О, если бы я тут обитал!

Если бы мне отсюда не возвращаться!

Если бы отсюда назад мне не повернуться!

Когда так говорили, задумались.

Перед тем, как рубить дерево,
Как умели, знали — произносили благословение.

Вверху находящегося Ульгена называли.

Внизу находящихся духов призывали.

¹ көк сү түјүк күндү ѫл — с замкнутой грудью человек; в шаманском языке означает — простой, обыкновенный человек, не шаман.

Ак саңыжын санаған болтыр.
 Алчак кылыбын кылынған болтыр,

 Аныјып кәзіп пурулған болтыр.
 Алты ёркөштү ak аданнымың,
 Єнам Оскоттың ічіндә,
 Ak пајгалы тулған jәрі,
 Єнам Коңыс, Кајраканның којнунда
 полтыр.
 Ak пајталды ёміскан ёқасің мыны
 көрзөгөр!
 Ak чалдарда-да түктү балтыр.

 Оң жарында жалы балтыр,

 Кујрубы жалы көк чалдар балтыр,

 Күіндәгә оң аяғы ажыбында
 Чабазынан акту балтыр,
 Тунчубында кол пажымы акту бал-
 тыр.
 Анаң тулған ak пајтал,
 Ak Ўлғанинән жајылу балтыр.
 Алты ёркөштү ak аданса,
 Йүссүн Ўлған пујурған балтыр.

 Ўлғанинән ўзүлү балтыр,
 Јузунаң жарбылу балтыр,
 Ak пајталдың ічкән суу,
 Єнам Оскоттың özөгү балтыр.
 Ak пајталдың каап жүгән ölöniң
 көрзөң!

Ak жазының појунаң ёмтір!
 Ölöñiң болзо, курчун каап,

 Суудың болзо, сүгүнүп тартып!

 Абын суун тартканда,

 Арка жалына мај ёргөн балтур;

 Ölöñiң курчун капканда,
 Кујуугу жалына мај ёргөн балтур!
 Көзі жаман көр бөгөн балтур,
 Күні жаман таң дабајт,

Чистыми мыслями мыслили,
 Добрьими намерениями себя наст-
 раивали.
 Так срубив, назад воротились.
 Мой шестигорбый белый бубен,
 В пределах матери моей Оскот,
 Земля, где родился белый байтал,
 У подножия матери моей, Коңыс
 уважаемой, оказывается, была.
 На мать, вскормившую белого бай-
 тала, вот поглядите!
 Она была, оказывается, бело-игре-
 невой шерсти,
 Грифа у нее была на правой сто-
 роне,
 Грифа и хвост у нее сине-игреневые
 были.
 У лодыжки задней правой ноги
 Шетка белая была,
 На носу белизна была, словно отпе-
 чаток пальца.
 От нее рожденный белый байтал,
 От белого Ульгена сотворен был.
 Для шестигорбого белого бубна
 Верхним Ульгенем предназначен
 был.
 От Ульгена предопределен был,
 От духов jәр-јол присужден был.
 Водой, которую пил белый байтал,
 Были истоки матери моей Оскота.
 На траву, которую белый бай-
 тал захватывал и поедал, по-
 гляди!
 С белой степи она, оказывается.
 Из всех трав он самую сочную
 хватал,
 Воду он самую сладкую, втягивая,
 пил.
 Когда он втягивал в себя текущую
 воду,
 На спине и на шее подгривный жир
 нарастал,
 Когда он схватывал сочную траву,
 У хвоста и грифы жир нарастал.
 Худой глаз его не видел,
 Зломыслящий ему не удивлялся.

Аның жүргән жазызын көрзөн,

Жазап жонгон пілүдій балтыр.

Әбәрә жанын көргөндө,
Әәбән әдәр наңа јокämтір.

Jaja туруп көргөндө,
Јалбаң әдәр наңа јок полтыр.

Ak жазының бојында.
Күн кәләттән жанында,
Тус јалбұу полжон балтыр,
Күн түстүгі жанында,
Күчү дә ползо, туу балтыр.
Ak жазының бојында,
Өлөң ўյа алынганды,
Ak пајтал тулған балтыр.
Тулғаннаң сөнда.
Абын суу кабыжарда,

Ak тајка пурун караларда,

Ak бајталды арка кујруқун салынып,
Ал пörү аларға сүртүр;

Köгүс куруқун салынып,
Kök пörү ak пајталы тударға,
Ak пајталдын ўрүзінә,

Аразына кіргән болтур.

Ak Ўлғаниң жајалған болуп,

Ал пörә алдырбај Салтыр;

Kök Ўлғаниң тәмдәлгән болуп,

Kök пörö туттурбај салтыр

Алдындағы оң аяғы тујгаңдаактү,

Кол пазымы närlälü балтыр.

Ak пајталдың судат тарткан järläri
Күн түстүгү жанында балтыо.

Если поглядеть на степь, где он ходил,

Она словно брус, сглаженный и ровный.

Когда кругом посмотрел —
Нет ничего, что возвышалось бы в степи.

Широко окинув взором, посмотрел,
Ничего нет, что нарушило бы равнину степи.

В белой степи самой,
В стороне восхода солнца,
Солонец там был.
На южной стороне
Хотя и маленькая гора была,
Когда в чистой степи
Трава завязывалась узлами,
Белый байтал родился.
После того, как он родился,
Перед тем, как текущая вода сковалась льдом,

Перед тем, как белая тайга покрылась снегом,
Чтобы белого байтала схватить,
Сильный пестрый волк, закинув на спину хвост

За ним погнался;
Поджав хвост,
Синий волк, чтобы поймать белого байтала,
В середину конского косяка забрался.

Будучи сотворенным от белого Ульгена,
Белый байтал не поддался сильному волку;

Будучи отмеченным синим Ульгенем,
Он не дал синему волку себя схватить.

На правом копыте передней ноги белое пятно — знак,
С нажим пальца, был.

Местность, где имел водопой белый байтал,
На полуденной южной стороне,

Әнәм оскоттун јуртуңуң
Сүңат тартарңа түшкәндә,

Јардына чапчак салынып,
Төрт чүрмәжі төгүлүп,
Кыс ордозы арү јаш.
Ак пајталды көргөн балтур.
Суу сузарын ундул салып,
Ак пајталды көстөжіп,
Узак пакатып көргөн балтур.
„Калтақым сәні тәғән балтур,
Јалы-мынаң јабраш полтыр,
Күрүшү өссө кулаш болор,

Кандіј күндүдің малы-нә?!

Мән абамның күткәні
Чул-ан толтыра малу пар.
Јәтті айыр малында,
Поо јадәр малы јок тәптір.

Толзо толбозо јажын толғон,
Јәтсә јәтпәзә, поjojo јәткәм.
Күjз'а күjбәзә одым күjгәндіj.
Ізібізә-дә ордың изідән.

Тұлаj пашту түj јалағалу.

Мән áбам тәғән балтыр,
Äldiң пажын äбіргән,
Алтын акчалу баj äдә.
Ажымды мәнің iчкән болғон
Абылымды көргөн полғон.

Ак јајыкта суңаттү,

Таңаj köldö ордолу,

Әнәм Маjбыl, Каjраканның,

Танаj köldүn поjында,

Паза пајдың үлуна,
Аракымды iчкән полғон.

От стойбища матери моей Оскот,
Когда белый байтал спустился к
воде, чтобы напиться,
Взяв ведро на плечи,
Развевая четыре косы свои,
Из девиц нежнейшая девица,
(К реке пришла) и его увидела,
Позабыв почерпнуть воды,
Вглядываясь в белого байтала.
Долго, восхищаясь, она смотрела.
Восхищенная, она говорила:
„Грифа у него пышная,
Если хвост подрастет, то станет с
сажень,
Какого это человека, живущего под
солнцем, скот?!

У моего отца полный двор
Нажитого им скота.
Среди семи косяков коней,
Коня, который с этим мог бы срав-
ниться, нет.

Хотя и не исполнились, но испол-
нились лета мои,
Хотя не дошла, достигла я до зре-
лого возраста.

Если не горит, вот, вот загорится
огонь мой,
Вот согрелось место моего лежа-
ния — постель моя.

Мой отец, она сказала,
Головами народа ведает,
Много золотых монет имеет он.
Он, просватал, пропил меня,
Мое желание (выйти замуж) усмот-
рел он.

Имеющему водопой на белом раз-
ливе,

Имеющему место обитания на озере
Танай,

Во владении матери моей Майгыла
уважаемой,

На самом озере Танай живущему,
он пропил меня.

За сына другого богача,
Он, выпив водку, меня просва-
тал.

Качан уjlү ашту полzon,

Аjбырлу малы кäрäк jok ädä.
Мына, бу малды садыбы-алып,
Mäн abам малданарда,
Mа jädäktäп pärrättaп болзо,

Алкыжым jätсіn тägäj ädäm"

Aныып cüläп аjtкан болтыр.
Ak адança jaраган бајтал,

Ары паскан јолунда,
Ajly kүндү туштаңанда,

Аны мактабас кіжі jok полтур.

Änij jaрап пајтал болтыр!
Äki jaшка jätкändä,
Änä Baјattың iчinä,

Äki kүндү äl парын,

Саныбы-алып акkälgän балтыр.
Ak пајталңа jaраган болтур,

Ak адança jaбылжан болтур.
Ала барзын кäскäн järin

Körzögör мыны!
Jyräkäj kannың бојунда.
Kүn түштүгү јанында,
Топтоj пүткän тулардың
Тудуң пажынаң кäскäн болтур.

Ала барсты кäскäн järdaң,

Ajlандыра көргөндö
Änä Baјattың jазызы,

Aжyра көrүngän jär болтур.
Kүчү Baјattың коjыны,
Käčirä көrүngän jär болтур.

Когда я буду иметь свое хозяйство
(свой дом и хлеб)

Не надо мне будет косяка лошадей,
Вот, если бы он этого коня купил,
И, держа за повод, отдал бы мне,
Чтобы мне держать его среди своего скота,

Я бы сказала ему: „да дойдет до тебя благословение мое!“

Так девица говорила,
Когда белый байтал, шкура которого пошла на обтяжку белого бубна,

На тропах, где он ходил,
Встречал людей, живущих под солнцем и месяцем,
Не было ни одного человека, который его не похвалил бы.

Такой уж хороший байтал был!
Когда байталу минуло два года,
В пределы — во владения матери Бачат,

Два человека, живущие под солнцем, отправились.

Купив его, привели (сюда).
Конь годился быть белым байталом,

Шкурой его был обтянут бубен!
Где была срублена рукоятка, пестрый барс,

Для шестигорбого белого бубна!
Во владении самого Йурекай хана,
На южной стороне
Нагромождение выросших гор!
На вершине горы она срублена была!

С того места, где рубили пестрый барс,
Когда кругом поглядели,
Видна была местность далеко за пределами степи Бачат,
матери моей.

То была земля, которая видна была,

За пределами — за пазухой — Малого Бачата.

Ала барсты кäскäн күндү,

Кöзü мының отту болтыр;
Кöксү мының ојлу болтыр.
Ала барсты кäзäргä
Аланчыынан чыңарда,

Ак чачылды тäмдäп туттур.
Тäкши тäңäрәзин тäкши адаптыр,
Үлгän бајаназын ўзä адаптыр.

Älgä ползо äптү болтыр.

Јатка болзо, јарулу болтыр.

Ак јалдынаң чыңарда,

Аштың болзо, ўрсүм iчiп,
Арәйн пара'ан тушкäн полтур.

Алча пöккö түшкäнiң кöрүп

Тäргäп тäскäп чыңардан кiжiläп
Паза јаш үланды јакши ёрди
Аа кожо тäргäгäн болтыр,

Ала барсты кäскäн јäрдä

Кöксү туjuk күндү äl,

Самајына чал капкан,
Чачына мының пурул капкан,

Äр jicit алкыш сөзүн ајдалбаj.

Ажыра ашты iчкäн полуп,
Алча пöккö тужä бärtir.
Кожо пардан јаш улан,
Ала барсты кäскäн полтыр.
Ак саңыжын санаңан балтур.
Алчак кылыңын кылыңган балтур.
Алкыш сөзүн пiлбäс полтыр.
Ала барсты кäскäн полтыр.
Аланчыкка аj јалдына.

Ала барсты кäzibä-алып.

Солнечный человек, срубивший
пестрый барс,

Имел огненные зоркие глаза
И ясный широкий ум.

Чтобы итти рубить пестрый барс,
Когда он выходил из дома — алан-
чыка (юрты),

Белое кропление он совершил,
Всех небесных духов, всех называя,
Ульгеней бајана всех до одного
называл,

Среди своего народа он общитель-
ным был,

Среди чужих он обходительным
был,

Прежде, чем отойти от очага (от
белого пламени),

Из питья он навар выпил,
Из водки он наиболее крепкой на-
пился, и, охмелев, упал.

Видя, как он падает, то вверх лицом,
то вниз лицом,

Люди, которые его снаряжали,

Еще молодого парня,

Хорошего мужчину с ним вместе
снарядили.

На том месте, где рубили пестрый
барс,

Простой человек (не шаман), живу-
щий под солнцем,

С висками, охваченными сединой,
С волосами, которых коснулся бу-
рый — седой налет,

Мужчина (этот) слов благословения
не мог произнести;

Чрезмерно сильно пьян он был.

Падал вниз лицом и вверх лицом.

С ним вместе пришедший юноша

Пестрый барс срубил.

Добрими мыслями он мыслил.

Имел хорошие намерения,

(Но) слов благословения не знал.

Пестрый барс он срубил.

В жилище — аланчык — к чистому
очагу,

Срубив пестрый барс,

Алкышчы јігітті алғанча,

Аныјып алар јанган јолунда.
Анаң јанган јолунда

Ала барсты кәскән күндү.

Аjlана јанын көргөндө
Кызыл торко јајчан ошкош,

Кујузу кыјмат пајадым, дәп.

Коңалўп сарнап јанган балтур.

Јажыл торко јајгандыj

Јаказы јараш Бағадым, дәп,

Јазап сарнап јаңган полтур.

Затем шаман обращался к тем, кто привел коня и срубил деревья:

Алты ёркошту ak аданның,
Алтын казың кәскән аjлү,

Ak пајталды тап kälgän күндү äl,
Ала барсты кәзіп kälgän күндү ki-
жiläp,

Јажы пулардың узак ползын!

Јајанп пулардың мёнкү ползын!

Сабағаның сүдү чачылзын!

Јастат күстәп мал күт-сä,

Јабақа тајы кör ползын!

Күстәп јастап мал күтсä,

Кунајын тајы кör ползун,

Әжігіnä äl турлазын,

Взяв с собой мужчину, который должен был произносить благословение.¹

Так он назад возвращался,
В пути, когда они направлялись домой,

Тот солнечный человек, что срубил барс,
Всю местность взглядом окидал:
„Словно расстелившийся зеленый шелк,

Моя Бачат с дорогими берегами!“ — говорил он.

И так, размышляя и напевая, домой возвратился.

„Подобно разостланному красному шелку,

Моя Бачат с красивыми берегами“ — говорил он,

И, напевая, домой возвратился.

У человека, срубившего золотую березу для шестигорбого белого бубна,

У народа, нашедшего белый Байтал,
У народа, срубившего пестрый барс!

Приговор творца для них вечным пусть будет!

Пусть плодится во множестве их скот.

Пусть рабызгивается обильно молоко!

Летом и осенью, если будет пасти скот,

Пусть молодняка жеребцов у тебя много будет.

Осенью и летом если будет пасти скот,

Трехлетних и четырехлетних жеребят пусть много будет.

У двери их пусть народ толчится, скопляется,

¹ Но опьянел и не мог говорить.

Түнүгінә күш турлазын,

Алдыңғы ёдагін пала пассын,

Кіінгі ёдәгін мал пассын!

Әлдәң алардың алары ползын,
Әлгә пәрәрдің пәрәрі ползын!
Мән алказам јәтпазә

Үлгән бајанам алказын!

Мән сүулаzім, јәтпәзә,

Үлгән бајанам алкап јәттірзін!

В дальнейшем своем пути, от места разделения дорог семнадцати ханов к акмар^у шаман встречал обитающих там „юзют’ов“. Үзүт — души умерших людей. Самые старшие из юзют’ов — муж и жена Орсок и Падўкаj — являлись действующими лицами этого камлания.

Шаман, не доходя еще до этих юзют’ов, рассказывал, как они гонят водку и, подражая их голосам, изображал, как они спорят между собой и как, завидя шамана, они в панике переругиваются.

Муж Орсок кричал:

О, Падўкаj, кара јәргә кіргән!

Казаныңды качырған,
Таткуруңды¹ тадызан

Аjlү јәрдәң кам kältät.

Таш очоңунды талап,
Талкан күлүңбу чачып,
Таңаныңды таңрадып,

Казаныңбы қаңграп,
Кара јәргә кіждіріп іjäр!

Жена Падўкаj отвечала:

О, Орсок, кара јәргә кіргән!

Сән нәні атпазын?!
Јукуну јышкырып јышкырып,
Одуннаң салзан!
Аракының пуу капшықаj kälziñ!

У дымохода пусть птицы собираются!

На передние их полы пусть наступают дети,

На задние их полы пусть наступает скот,

Пусть будет им, что взять от народа!

Пусть будет у них, что дать народу,
Если я благословлю и до них не

дойдет благословение,

Пусть благословит их сам Ульгенъ
Байјана!

Если я скажу и мои слова не дойдут до них,

Пусть дойдет до них благословение
Ульгена!

О, Падукай, в черную землю вошедшая,

Подгоняй твой котел,

Пробуй крепость — готовность водки!

Из земли, освещенной месяцем, шаман идет!

Твой каменный очаг он разрушит,
Твою золу — талкан развеет,
Твой таган — треножник — полетит побрякивая.

Твой котел он заставит греметь.
В черную землю заставит пойти!

О, Орсок, в черную землю вошедший,

А ты что делаешь?!

Огонь под казаном расшевели,
Дрова клади!

Пар от водки пусть скорее идет!

¹ Таткур — палочка с привязанной к ней холщевой тряпкой, предназначенная специально для пробования водки.

Орсок:

О, кара јäргä кïр, Падўкаj!

Кäбïң сууп самајын салактап,

Чимгирігің аңып,
Үзу мурдуң յалылбап,
Сäйң тäргүүң пүтпäйтэн!

Кäчä азып алðан полðоң,
Jчiп алðан полор äдäк.

Падўкаj:

О, Орсок, кара јäргä кïргän!

Казан камышты тämir јäстi,
Одун сууды мäni кајдуң алзың! Täп
санадан.

Äр полјадып, сäн тäргän тäскäбä-
gäндä!

Орсок:

О, Падўкаj, кара јäргä кïр!
Азарðа, азарðа тäп,

„Аракыны“ сäн устаң салбаj,
Päләндäп јазың!

Пу туj äртсiн тäп.

Mäи аjtкам-ок укпаңанзың!
Кара јäргä кïргän,
Köр чорðан аңдарыл-полтыр!
Jakшäй мïнjät äмäс-pä!
Сäн-бä каза паскаңда

Jакшы полбоjton!

Jäl Myнаj Кам jät кылат!
Канij парапык! Канij кïрәrik!

Шаман подходил к кёнёкам и толу и совершил над ними алас. Потом призывал своего духа „кäр балык“, повторял обращение к нему и снова опоясывал себя этой рыбой (курчулаијат).

Затем шаман приближался к жилищу юзютов и с помощью духов начинал разрушать их стойбище. Он говорил, обращаясь к своим духам:

Канду ўзүт кара јäktiң,
Tаш очоңун талап чыккар.

О, войди ты в черную землю, Паду-
кай!

Вид твой отвратительный, волосы
торчат на висках.

Сопли текут,
Рот и губы мокрые, отвисли.
Никогда своевременно у тебя ничего
не бывает готово!

Если бы вчера приготовила водку,
Мы бы успели напиться!

О, Орсок, в черную землю ушед-
ший,

Казан и половник, железо и медь,
Дрова и воду, где бы я взяла, ты
думаешь!

Ты муж, а не приготовил ничего!

О, Падукай, в черную землю войди,
„Приготовлять, приготовлять водку
надо,“

(Слово) „водка“ из уст не выпуская,
Ты все время (одно и то же) повто-
ряешь!

Я же говорил, что пропустишь зря
ты время,

А ты не слушала.
В черную землю ушедшая!
Смотри трубы¹ опрокинулись.
Не к добру же делается это!
Как только ты станешь на чем-либо
настаивать, добра не бывает.

Eee! Вот кам подходит!
Куда мы уйдем?! куда мы войдем?!

Кровавых юзютов черных нечистых,
Каменный очаг их разрушайте,

¹ Чорðо — изогнутые две трубы от прибора для выгонки водки.

Талкан күлүн чачып чыккар!
Тазандарың таңырадып,

Казандарын коңрадып,
Ојуп толку салыш чыккар,
Айлұ йәрдің алтын кудун.

Мән кеппазам, сәр кабықар,
Мән албазам, сәр алықар!

Шаман быстро ворчался, громко кричал. Ему вторили все присутствующие: это шаман и его духи проходят место обитания юзют'ов, разрушают их пабарна, приспособленное для выгонки водки, рушат их жилище и губят самих юзют'ов (юзют ўйн талап жат). Слышны крики отчаяния погибающих юзют'ов. Шаман, остановившись ненадолго, кричал, подражая голосам юзют'ов, и затем снова кружился.

Теперь шаман приступал к ловле ушедшей души — јула кап жат¹ с криком: „оп куруу“ шаман ударял в бубен и, постепенно опуская его все ниже и ниже, приближался к полу. Там он соединял обе руки, держа одной — бубен, другой — колотушку, и порывистым движением поднимал бубен вверх — это означает, что шаман поймал јула. Затем быстро ворчался. Держа обе руки соединенными на уровне лица (держа јула), он призывал кого-либо из своих духов, которому и поручал хранить эту душу. Ударом в бубен шаман отсыпал јула к этому духу.

Потом шаман призывал талајкан'а и поручал ему затопить своими водами остатки жилищ юзют'ов, разрушенную шаманом и его духами местность.

Кöбүктүдä Köлбөj-кан,
Балыктуда, Балаj-кан,
Чыңытуда чымаj-кан,

Тал таптылу Талаj-кан!
Ак яјысын тартып käl,
Ак житкäгىң салыш käll!
Канбу ўзүт кара јактىң,
Кара јуртун казып пар,
Ўзүт јуртун ојуп пар!

Шаман ворчался. Погибающие юзют'ы откликались.
Орсок кричал:

„О, кара јаргä кир, Падўкаj!“

Падўкаj кричал:

„О, кара јарга кир, Орсок!“

Талкан воду разбросайте!
Таганы — треножники их заставьте
грешить,
Казаны их заставьте бряцать,
Разрушая, ради забавы, взволнуйте!
Золотую душу, что пришла из земли,
находящейся под месяцем,
Если я не поймаю, вы ловите,
Если я не схвачу, вы хватайте!

В пенистых водах Кольбей-хан,
В водах, полных рыбы, Балай-хан,
Там, где скопление влаги, Чымай-хан!

Имеющий тапты-тал, Талай-хан!
Белый разлив твой протяни,
Белым болотом твоим заболеть,
Черное стойбище кровавых юзют'ов,
Черных нечистых, разрой,
Юрты юзют'ов уничтожь!

„О, войди ты в черную землю,
Падукай!“

„О, в черную землю войди ты,
Орсок!“

¹ Душа јула может, по представлению телеутов, в любой момент уйти от человека. Человек, которого покинула душа, долгое время может и не замечать этого. Вот почему во время камлания шаман искал и ловил такие ушедшие и блуждающие души, чтобы потом, когда обнаружится пропажа души у того или иного из его больных клиентов, эту душу вернуть ее владельцу.

Орсок кричал:

„Оно! айткан! Кара јаргә кір-пар-
дың!“ „Вот, говорил ведь я, что ты в чер-
ную землю провалишься!“

Шаман вертелся в последний раз — это он проходил жилище юзют'ов и удалялся от них.

Шаман садился и, напевая, ударял в бубен. Он теперь приближался к духу кан Кычкыл'у.

Шаман отправлял вперед, прежде себя, со своими духами к хан-Кычкыл'у табу. Для этого он из числа своих кёнёк'ов — трех, — отделял два и отсыпал их к духу. В обращении к духу шаман будет говорить не „два кёнёк'а“, а „три“, чтобы обмануть духа и преувеличить количество вина.

Шаман называл имя Кычкыл-хан'a:

Ak мardың ak Tajlіkka,
Ajбыр јалду кан-Кычкылса.

Үч јакалу аңыр толу,
Тура ѡіктү тое кёнёгім,

Әр алды-мнаң јајалып кіргәр!

Паш јакалу аңыр толу
Тура ѡіктү тос кёнёгім,

Mälkіldägän пај сабам,
Ködürmälü köl tăpsi,
Аңы мardың қдазына,
Ajбыр јалду кан-Кычкылса,
Ар алды-мнаң јајалы-отур,
Mäңчä полуп кабылы-отур!

К белому мара белому Тайлыку,
К хану-Кычкылу, имеющему гриву
жеребца.

Быстрый толу о трех воротах,
С поперечным швом берестяной
туяс мой,

Впереди меня, мужа, направляйся,
Быстрое толу мое
С пятью воротниками,
С поперечным швом, берестяной
кёнёк,

Покачивающаяся богатая саба,
Поднимающаяся озеро — сельница.
К отцу белого мара,
К хан-Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,
Вперед меня продвигайся;
Так же, как я, мчись.

Произнося последние слова, шаман встал лицом к табу; отделив два из них, он отправлял их впереди себя к духу.

Шаман вертелся — он приближался, прежде всего, к живущему на пути духу хан-Кычкылу, духу Тајлык-хану или ак мар'у. Затем садился и, ударяя в бубен, обращался к этому духу. Это означает, что шаман подходил к жилищу духа ак мар'a:

Аңым мardың ak Tajlіk,
Kökүн мardың көк тajlіk,
Ала барска тајанған,
Ak аданның äzi кан!
Ak мardың ak тajlіk,
Ajбыр јалду кыс Jäläc!
Оң көзунäң көргөj-міnä?
Оң алкызың пәргәj-міnä?
Ääm көзүн көргөj-міnä?
Әrү чырајин пакқаj-міnä?
Оң кулаçын соңткор,

Белого мара белый Тайлык — конь
Синего мара, сивый Тайлык — конь,
На белый барс (мар) опирающий,
Белого бубна хозяин!
Белого мара белый Тайлык
С гривой жеребца девица Телес!
Правым глазом не посмотрит ли?
Правое благословение не даст ли?
Ласковым глазом не посмотрит ли?
Ласковое лицо не покажет ли?
В правом ухе заставьте звенеть,

Оң табаның сырлаткар,
Сол кулаңын соңулоткор.
Сол табанын сырлаткар!

Шаман вставал с места. Подняв бубен на руке над левым плечом, проходил по солнцу два-три раза посреди комнаты.

Узнав о его приближении, слуги Тайлик-хана выходили ему навстречу.
Шаман садится на свое место и поет:

Көрзөгөр мыны, калың чәрүләп!

Tajlik-канның кан älcilär,
Күндүк јардөң уткуј-баді?

Кан äжігін ачар јэр käldі,

Піj äжігін ачар јэр käldі,

Кан јарқызын алар јэр käldі,

Піj јарқызын алар јэр käldі,

Кан äжіккә ту'ула түстүм.

Алкыжым јатсін ўссүн Ўлғанға!

Алкыжым јатсін алдыңы јуска!

Шаман подошел уже к жилищу духа тайлик хана.

Шаман встал и совершил алас над толу и кёнёк. Затем он встал и направился в угол, где стоит кёнёк. Он изображал собою робко входящего человека: шел медленно, маленькими вершковыми шагами, как бы не решаясь войти в жилище духа. Шаман подходил к первой двери жилища тайлик-хана.

У двери духа шаман оставлял одного из своих спутников духа — кірбі тај.

Медленно продвигаясь вперед, шаман говорил:

Ајдың ползо аруунда,
Күннүң ала көркүүндә,
Јылдың бажы ајланбанды,
Јылан бажы сојылбанды,
Ämäl аңаш пүр албанды,

Ääk ку'ук кыјырбанды,
Јэр јарылып көк чыкканда,

Агаш јарылып пүр чыкканда¹

Правую ступню заставьте дрожать;
В левом ухе заставьте звенеть,
Левую ступню заставьте дрожать!

Посмотрите на это мощное многочисленное войско!

Ханы послы Тайлык-хана
На расстоянии месяца пути не встречают ли (нас)?

Мы подошли к месту, где надо открыть дверь хана,

Мы подошли к земле, где надо открыть дверь начальника;

Мы пришли в землю, где увидим приговор начальника,
Мы пришли в землю, где получим приговор хана.

У двери хана я в тупик попал.
Благословение мое да дойдет до верхнего Ульгена!

Благословение мое да достигнет нижних духов јэр-јол!

В новолуние,
При сиянии солнечных лучей,
Когда голова года повертыивается,
Когда змея сбрасывает кожу,
Когда плодовые деревья покрываются листьями,
Когда закукует кукушка,
Когда расщепляется земля и показывается зелень,
Когда расщепляются деревья и вырастают листья.

¹ Эти слова шаман говорил, если камлание совершалось весной. Если камлал осенью, он начинал словами: конур малдыj.

Обращаясь к своим духам:

Пір ёжігін ача кіргәр,
Пір адамнаң жарбы алыша кабыл-
кіргәр!

Пір сурұға сураj-кіргәр,
Пір тіlүgä тіlәj-кіргәр!
Поjор тіzäm паjынып кіргәр,

Подолбу моjнум сұна кіргәр!

Үч поjуна мөргүj кіргәр!

Открывая одну дверь, входите,
От одного отца моего приговор
получая, подхватите!

Одну просьбу прося, входите,
Одним языком прося, входите!

Предназначенные к сгибанию мои
колени, преклоняя, входите,
Вытягивая позвонки шеи моей, вхо-
дите,

Трижды сгибаясь и кланяясь, захо-
дите!

Шаман открывал первую дверь жилища *Tajlïk*-хана. У двери его останавливал привратник *Tajlïk*-хан'a. Он окрикивал входящего шамана.

Шаман делал круг по полу и произносил, подражая крику привратника:

Аääj! Кіjі kälzä kijdïrbä-tägän,

Кiiк kälzä пастырба тägän,

Жыда-мынаң јымыр-тур-тägän,
Кылыш-мынаң кымыр-тур-тägän!

Еeej! Если человек придет, не
давай входить ему, — говорил.

Если дикая коза придет, не впускай
ее, — говорил.

Пикой коли, — сказал,
Мечом руби, свертывай шею, —
сказал!

Шаман повертывал, шел от переднего угла дома по направлению к печи и прикасался колотушкой бубна к голове одного из присутствующих, сидящего около печи. Это означало, что шаман воплощает, „вбивает“ в него *Tajlïk*-хана — духа-привратника и этим присоединяет его к числу своих спутников-помощников. Это действие шаман повторял и в дальнейшем, у всех трех дверей, через которые он пройдет по дороге к духу. Слегка ударяя колотушкой по голове выбранного им человека, шаман говорил:

Абрäj, абрäj, абрäj!
Кан алдында козыр бол,
Піj алдында піjік бол!
Канжа кіrzän камаjба,
Піjgä кіrzän жалтанба,

Канжа кіrzän каjрал ал,
Піjgä кіrzän піldi кör.

Tiliñ ала жарü тарт,
Tizän ала чägü тарт!

Абреj, абреj, абреj!
Перед ханом сильным будь,
Перед начальником высоким будь!
Если к хану войдешь, не стесняйся,
Если к начальнику войдешь, не
испугайся (не отшатывайся).

Если к хану войдешь, милость по-
лучи,
Если к начальнику войдешь, муд-
рость увидь.

Язык твой острым пусть будет,
Колени твои пусть будут вдавлены
в землю!

Шаман проходил первую дверь и подходил ко второй. У второй двери он также разговаривал с привратником.

Подойдя к какому-нибудь другому человеку, сидящему у печи, шаман совершил над ним обряд абрәј — ударял его колотушкой и произносил то же, что и у первых дверей, добавляя лишь следующие слова:

Алтын кәстік пыкының пыч!

Золотым ножиком, бедра твои обрежь!

Пройдя вторую дверь, шаман подходил к третьей, где он также встречал привратника.

Шаман опять совершил над кем-либо сидящим у печи обряд абрәј, заканчивая свое обращение словами:

Золотой иглой веки глаз твоих сколи!¹

Характер налево у шамана совершенно менялся. В голосе слышны подобострастие и мольба. Он кланялся и размахивал слегка бубном, качая его перед собой. Шаман пришел к *Tajlik*-хану со словами:

Аај мөргү, аај мөргү, аај мөргү! ..

Шаман, кланяясь и покачивая перед собой бубен, медленно двигался по направлению к переднему углу дома. Затем, раздвинув руки, он отступал назад. Так он повторял три раза, — шаман не решался подойти к духу.

Tajlik-хан обращался к шаману и спрашивал его, откуда он пришел.

Ааај! Пуду-мынаң сідінәрдәң

Ааай! С тех пор, как начали опираться на ноги,

Мурду-мынаң тынардаң ала, кам!

С тех пор, как стали дышать устами,

Канатту учпаңан,
Кајсақту паспаңан, кам!

Имеющие крылья не залетали,
Имеющие ноги² не заходили, кам!

Ак аданиң саңыражып,
Таш орбұна тајанып,

Белым бубном твоим бряцая,
На каменную колотушку твою опираясь,

Табылғыңа шідәніп,
Ала барска тајанып,

На таволгу твою облокачиваясь,
На пестрого барса опираясь, как

Ак адаңа Сöёнүп,
Кажы јәрдәң кабылыш чыктың;
Кажы јәрдәң күләп чыктын?
Ады јолуң айдын, кам!

на посох,
На белый бубен опираясь,
Из какой земли ты, мчась, поднялся,
Из какой земли, напевая, пришел?
Имя и путь твой назови, кам!

Шаман продолжает размахивать перед собой бубном. Он называл имя того јајык'а, который почтился населением того улуса, в котором он камлал.³

Шаман отвечал духу *Tajlik*-хану:

Полорчык полғон ај кара јыштаң
кабылбадым.

Из исчерна черной тайги я не примчался,

Алаканча ај јатыдаң күләп чыккам!

Из освещенной месяцем степи, с ладонь величиной, напевая, я поднялся.

Улу Бајат кәзә отурған,

От ведающей большим Бачатом,

¹ Чтобы не раскрывались веки.

² Буквально, лапы с когтями.

³ Канакай совершал камлание в улусе Чолухой, следовательно, должен был указать своего јэр суудуң äzi јајык'а, т. е. ўнам јурәкәj.

Үссүн јаның үч казық,
Алдын јаның мун қазық,
Үч толукту ёнам Јүрәкәјдаң чыктым.
Äääj, äääj!
Кіжі болзо, ады полор
Киік ползо, түктү полор!
Нә тәгәнің калдықызын,
Нә тәгәнің ўрәнізін?
Ады пажын айдын, кам!

Шаман протяжно пел и качал бубен. Он отвечал духу:

Нә тәгәнің калдық полојын!
Нә тәгәнің ўрән полојын!
Укту удул¹ ўрәні-мін!
Учукчуңуң² калдыбы,
Төстү камның калдыбы адам,
Јөлбө³ чүнүң ўрәні адам!

На верхней стороне, которой три кола,
На нижней стороне, которой тысяча колов,
От треугольной матери моей Урекей я поднялся, пришел. Говорит:
Еең! еең!
Если человек, то он с именем будет,
Если дикая коза, то она с шерстью будет!
Как называемого (кама) ты — последыш,
Как называемого (кама) ты — потомство?
Имя и голову твою назови, кам!

Как называемого (кама) я последыш буду!
Как именуемого (кама) я семя — потомство буду!
Я семя — потомство родовитого шамана ...
Я последыш того, кто скручивает сухожилия — тетиву,
Я последыш шамана, имеющего духов,
Я семя — потомство шамана, камлующего с помощью лука!

Шаман называл Тайлик-хану имена всех своих предков төс'ов.

Шаман называл имена всех своих предков шаманов:

Кам Апурнак каңылбам,
Кам Сөлпөктөң тартылбам,

Я соприкасался с шаманом Апурнак'ом.
Я был притянут шаманом Шөльнөк'ом,

¹ удул — синоним шамана (ср. монгольское удул — шаманка). В шаманских призывах шаман очень часто называл себя удул и удыл, узылұ йәлдү кам удул Канакай адам „я кам Канакай, рот которого приспособлен для разговора с духами“. Так же называли и духи шамана. Узы йәлдү кам удулым „мой шаман, рот которого приспособлен для разговора с духами“.

² Учукчу — синоним шамана. Так называли шамана тогда, когда он каммал дуку јаңыс сам'у. Для того чтобы зашить земную щель, шаман с помощью особых мастерий сучил двадцать семь ниток из льна и сухожилий быка или коровы, называемых учук (в быту учук называются только нитки для шитья материи). Этими нитками зашивалась земная щель.

Учукчу же назывался кіріш — тетива лука и бубна в шаманском языке.

³ Јөлбө — маленький лук, с помощью которого специальные гадатели и шаманы совершали камлание. Јөлрөлжіргә — ворожить, шаманить с помощью лука.

Кам Отконноң кычырқам,
Кам Јарәннән кыjбырқам,
Кам Міткәдәң, кам Мітәмнаң!

Кам Іазы-балық кычырқам,

Кам Сарқабаң тартылғам,
Кам Кобордоң кыjбурқам,

Кам Пёнök пазылғам!

Tajlīk-хан опять спрашивал:

Аääj, äääj!
Карада ала појұннаң-ба
Калық-та ала кіжідән-бä?
Ады бажың ајдын кам!

Шаман снова кланялся, протяжно напевая, и говорил:

Кара-да ала појумнаң ёмäс,
Калық-та ала кіжідән ёмäс

Аршындајын тазылым бір,
Арбалајын кылғам бір,
Озў мының адазы полғон,
Аjlү јәрдәң ајрылған,

Арғыс канңа сабылған;
Күндүj јәрдәң ајрылған,

Күндүc канңа сабылған.
Әр појумның өзў мәнің адам полғон.
Алаш тәгән әр jигіт.

Анын кулбу.

Анаң калған калдықтар
Аттың кулаңы ўч түңәj,

Ән ортоны әр појумнуң.
Канакаj тәгәn әр jигіt-miñ!
Әr појумнуң jär äjiktäң кабыла
jättim.

Арғымак аjak тәр алып jättim,

Ардiң караңын јаш алып jättim!

Я взывал из-за шамана Откон'a,
Я кричал из-за шамана Ерен'a,
От шамана Митке и от шамана
Мите!

Я взывал из-за шамана Язы — ба-
лык'a,
Я был притянут шаманом Сарга,
Я метался — был безумным из-за
шамана Кобор'a,
Меня давил шаман Пёнök!

Ееей, ееей!
От черного ли себя (ты пришел)?
От народа-людей (пришел) ли?
Имя, голову твою назови, кам!

И не от себя, черного, я пришел,
И не от народа-людей я при-
шел...

Как у травы арчина один запал,
Как у зерен ячменя один колос,
Один отец у нас был.
От освещенной месяцем земли он
отделился,

К далекому хану отправился;
От освещенной солнцем земли он
отделился,

К отдаленному хану отправился.¹
У меня, мужа, родной отец был
Мужчина по имени Алеш.

Я его потомок —
От него оставшиеся остатки
Тroe равных, как у коня уши, мы
братья,

Из трех братьев я средний буду,
Муж по имени Канакай!
Я сам от своих дверей, мчась, изну-
ряя себя, прибыл.

Я прибыл, заставляя ноги коня по-
крыться потом,
Я прибыл, заставляя глаза мои на-
полниться слезами!

¹ Т. е. отец умер.

Tajlik-хан говорит:

Ääj, ääj!
Пістің јајаң кызыл курт,
Кајыш курлу кара алманду,

Түктү пашту күндү äl!

Pilinbaǵan pilindı-bä?!

Тыјын баңан тыјынды-ба?!

Шаман говорил:

Јалынҹанымды уккаj-пәдің?!
Јалбарҹанымды сәскәj-пәдің?!
Ääm көзүң көргөj-пәдің?!

Äрү чыраj паккаj-падиң?!

Tajlik-хан:

Ääj, ääj!
Tajka полбон толу тутсаң,
Талаj полбон ажын тутсаң,
Кан јарбызы анда полор!

Шаман повертывался спиной к көнсөк'ам — обращался к каракуш — черной птице — и говорил:

Jäc тырмакту кара күш!
Устар атқан тор аjaбым,
Устар атқан кызыл чуңыр,

Колдоң колбо кабыл түш!
Үч ороло курчаj түш,
Алтын торын салып түш!

Ееj, ееj!

Нами созданный красный червь,¹
Черный данник наш, имеющий ре-
менной пояс,
Живущего под солнцем народ с
мохнатой головой!
Не признающий, не хотелший знать
нас, признал ли?
Не замечающий нас, заметил ли?

Послушаешь ли мою мольбу?
Почувствуешь ли мое унижение?
Ласковым глазом твоим, не посмот-
ришь ли?
Благосклонное лицо твое, не пока-
жешь ли?

Ееj!

Если поднесешь толу с тайгу,
Если поднесешь питье с море,
Тогда приговор хана будет!

Черная птица с медными когтями!
Сделанную кузнецом чашу „тор“,
Сделанную кузнецом красную, глу-
бокую,
Из рук в руки передавай!
Трижды окружая, спустись!
Золотую сеть — тор (на чашу), на-
кидывая, спустись!

Шаман получал из лап черной птицы невидимую для присутствующих чашку. Он наливал в нее невидимое вино и подносил Tajlik-хану.

Шаман вставал лицом к көнсөк'ам, держа в одной руке бубен, другой рукой размахивал колотушкой и обращался к духам:

Орбучулар орбыj салжар,
Пурбучылар пырбыj салыжар!
Узундаңызын түбәнä,

Завиватели, завивайте — свивайте,
Мешатели, мешайте!
Сделайте так, чтобы находящееся
на поверхности стало на дне,

¹ Детский кут — зародыш — телеуты сравнивали с красным червем (кызыл курт), отсюда и народ — люди в шаманском языке носили название „красный червь“. С другой стороны, духи, называя так шамана и людей вообще, подчеркивали свое превосходство над ними.

Түбүндәгізін узуна!
Пірінчі аjak білгілү-јарбылу аjak,
Пірадамның алкышту аjak!
Ајлу чәјгән ak ајран,
Ај мурдуң ну јара алзын!
Күндү чәјгән көк ајран,
Тоң көксүңдү поло алзын!

Чтобы то, что на дне, стало на поверхности!
Первая чаша присужденная, законная чаша,
Чаша, имеющая благословение от первого моего отца!
Изготовленный человеком, живущим под месяцем, белый айран,
Пусть расщепит на две половины твой рот (т. е. пусть вызовет у тебя отрыжку)!
Приготовленный человеком, живущим под солнцем, синий айран.
Сквозь крепкую спину твою пусть пройдет — пусть разделит спину твою!

Шаман подходил к кёнёк'ам и, держа бубен за рукоятку „барс“, касался ею кёнёк'а. Проводил бубном пять раз по горизонтали — этим шаман делил содержимое кёнёк'а на пять частей. Пять чашек абыртки он должен будет поднести духу. Шаман, повернувшись по солнцу, говорит:

Ажыра көрзөң адам Тайлик-кан.

Проглоти, — пропусти, отец мой, Тайлык-хан!

Это означало, что шаман подал первую чашку духу. Шаман делал движение, как бы глотал напиток и громко отрыгивал; то дух выпил поданную ему чашу и указал на свое удовлетворение количеством абыртки.

Шаман подавал духу вторую чашку и говорил:

Әкінчі аjak јарбылу аjak,
Әкі адамның каданду аjak!

Вторая чаша, законная чаша,
Второго отца моего, повторная чаша!

Оң көзүңнәң көргөj-мінәң,

Не посмотришь ли правым твоим глазом,

Оң алдыжың пәргәj-мінәң?!

Не дашь ли правое твое благословение?!

Әәм көзүң көргөj-мінәң?!
Арү чырајың паккаj-мінәң?!

Не взглянешь ли ласковым глазом,
Не взглянешь ли с улыбкой на лице?!

Шаман делал глоток и отрыгивал: дух выпил вторую чашку и остался доволен. Шаман подавал Тайлик-хан'у третьью чашку и говорил:

Үчүнчү аjak ўlgүlү ajak,
Үч адамның јарбылу аjak!

Третья чаша — образцовая чаша.
Третьим отцом моим присужденная чаша!

Кан тарынбас полбос-па,
Кара паңып көrböс-pö?!

Разве не может хан не сердиться,
Разве нельзя оглянуться ему и посмотреть?!

Піj тарынар полбос-по,

Пәрi паңып көрбөс-пö?!

Тajlïk-хан, выпив третью чашку, снисходительно отвечал шаману:

Äääl! Äääl!

Ajlïj чäгäн ak ајран

Aj мурдумды јара алды!

Күндү чäгäн кök ајран,

Тоң кöксүмдү пöлö алды, кам!

Разве не бывает, что начальник не сердится,
Что разве нельзя ему в эту сторону поглядеть?!

Ееей! Ееей!

Приготовленный человеком, живущим под месяцем, белый айран,
Через рот мой прошел — рот мой на двое раздвинул!

Приготовленный человеком, живущим под солнцем, синий айран,
Сквозь крепкую грудь мою прошел — грудь мою разделил!

Шаман подавал Tajlïk-хану четвертую чашку, со словами:

Tортүнчү ajak jölgölү ajak,
Тöрт адамның каданду ajak!

Äрiкпазэн äрдiннi,

Пузукпазаң мурдуңду сал!

Алтын јарбынды чäчкäj-pidäñ,

Ajlüdiç künic, көргөj-pidäñ?

Kümish јарбынды пärgäj-pidäñ,

Künbütüç künun көргөj-pidäñ?

Четвертая чаша — чаша ворожбы,
Четвертого отца моего повторная чаша!

Если не наскучит тебе, прикладывай губы твои,

Если не питаешь отвращение, уста твои приложи!

Твой золотой приговор, не развязешь ли?

На живущего под месяцем человека не взглянешь ли?

Серебряное решение твое не дашь ли?

На человека, живущего под солнцем не посмотришь ли ты?!

Подавая пятую чашу, шаман говорил:

Pälagash канның пазiнчi ajak,

Päsh адамның јарбылу ajak!

Калбанаңын каңын пärgär,
Каныма толо салып пärgär!
Улу түбүн шыпкан туткар.

Oң көзүнäң көргөj-miñä,
Oң алкыжың пärgäj-miñä,
Äzändikka пärgäj-miñä,
Älbäk күнгä јајаң-miñä?!

Пелегеш-хана (т. е. Тайлыхана) — пятая чаша,

Пятым отцом моим присужденная чаша!

Последнее вытряхивая, подайте!
Хану моему полную чашу налейте!
Великое дно дочиста освободите — на дне ничего не оставьте!

Правым глазом не посмотрит ли,
Правое благословение не даст ли?
Для благополучия не даст ли,
Для богатых — широких дней не сотворит ли?!

Шаман от имени Тайлик-хана откликался:

Ääj! Ääj!
Оң көзүмінәң көрөрүм, кам!
Оң алкыжым пәрәрім!
Äзәндіккә тәмдарім,
Äлбәк күнгә јајаңым!

Еең! Еең!
Правым глазом, я взгляну, кам!
Правое благословение дам!
К благополучию направлю,
Для легких, богатых дней сотворю!

Шаман говорил, уже несколько увереннее:

Ak Ўлғаннің јајунча
Алты ѡркөштү ak аданным,
Паштапқызым ала барста тајандым,

Ак аданса сөйндүм,
Ak мардың ak Тайликтаң
Арғыш сурап јајалып јәттім.

Оң көзүннәң көрүп калсан!
Оң алкыжың пәріп калсан!

Согласно творению Ульгена
Мой шестигорбый белый бубен!
В первый раз я оперся на пестрый
барс,
На белый бубен налег.
От белого мар'a белого Тайлык'a
Испрашивая благословение, я при-
шел.
Правым глазом, если бы ты взгля-
нул!
Правое благословение, если бы ты
дал!

Шаман от имени Тайлик-хана отвечал:

Ääj, ääj!
Алты ѡркөштү ak аданның,
Алты көстү ала барсың,
Салғындуда ужук ползың,

Сајұ күндә ѡлөк ползун!

Јаңылғанда јаак ползун,

Сүрнү кәндә тујшак ползун!

Күндү äлгә тұза ползун!

Еең, еең!
Шестигорбый белый бубен,
Шестиглавый пестрый барс твой!
В ветреные дни пусть будут тебе
убежищем — защитой.
В ненастные дни пусть будут тебе
опорой!
Когда ты ошибешься, пусть будет
отвечать за тебя (пусть щекой
будет).
Когда ты споконешься, пусть тебе
опорой (копытом) будет!
Народу, живущему под солнцем,
пусть польза будет!

Шаман обращался снова к Тайлик-хану и просил у него спутника — помощника, чтобы итти дальше к Кычкыл-хану:

Мынаң озо каңылбадым,

Тұнаң озо күләбәдім.
Әр алдымға äлчі пәр,

Паштап чықарға пашчы!

До настоящего времени я не ходил
к духам,
Раньше этого я не напевал!
Впереди меня (идущего) послан —
спутника дай,
Чтобы руководил и вел меня, руко-
водителя дай!

Шаман от имени *Tajlīk*-хана соглашался и говорил:

Әр алдына äлчі пәрәйін,	Да, дам тебе спутника, что впереди тебя пойдет,
Пашпат чыңарқа пашчы пәрәйін,	Да, дам тебе руководителя, что тобой руководить будет.
Караңаның көстө ползын,	Что глазом твоим увишишь, из глаз не выпускай.
Кармаңаның көлдо ползын!	Что захватишь, пусть в твоей руке будет!

Шаман несколько раз кланялся *Tajlīk*-хану, сопровождая поклоны следующими словами:

Мөргү-бә, мөргү! Мөргү-бә, мөргү! С поклоном — поклон! С поклоном — поклон!

Шаман выходил из владений *Tajlīk*-хана. Он возвращался к своему спутнику — духу, которого поставил у двери, входя в жилище *Tajlīk*-хана. Спутник — дух встречал шамана следующими словами:

Ааај! ааај!	Ааай! Ааай!
Чыктын-ба, кам?	Вышел ли ты, кам?
Кан äжігің ачтын-ба?	Дверь хана открыл ли ты?
Кан јарқызын алдын-ба?	Приговор хана получил ли ты?
Кан äжігі кат полды-ба?	Дверь хана не была ли недоступной — твердой?
Піj äжігі пæk полды-ба?	Дверь начальника не была ли крепко запертой?

Шаман отвечал:

Кан äжігі кат полғон јок,	Дверь хана недоступной не была,
Піj äжігі пæk полғон јок!	Дверь начальника крепкой не была!
Кан јарқызын алғандіj-мін!	Как будто бы приговор хана я получил!

Шаман выпрямлялся и, стоя, громко звал своего духа — гуся (кас), на котором он и будет теперь совершать свой дальнейший путь.

Jaык кäскä-jaңылбас,	Если перелетает через разлив (реки Урал), — не теряет свой путь
Jaңы ала Чымар кас,	Пестрощекий Чымар гусь!
Адiл кäскä äрiкпäс,	Если перелетает через реку Волгу,
Ääгi ала Чымар кас!	никогда не скучает,
С пестрым подбородком, Чымар гусь!

Гусь — кас — откликнулся на зов шаману. Теперь шаман ехал на гусе. Шаман подражал крику гуся. В дальнейшем, в напеве, в голосе шамана слышалось гусиное гоготанье.

Шаман пел, обращаясь к гусю:

Оң канадың јаја сал,
Сол канадың кыма сал!
Ак аяастың алды мынаң,
Ак пулуттун мурду мынаң,
Капшыңајла кабылы отур!
Калбыракка тартыбы-отур,
Сүргән јäргä сүрә јät,
Кöргөн јäргä кörö јät,
Ат кöдурбäс ар толуну!

Толудың бажы кörүнä калды,
Толудың бажы пiлдiрä калды,
Алкыжым јатсiн ўссүн Ўлгандä!

Шаман вставал и вертелся — кружился. Это означало, что шаман догнал отосланых им вперед табу.

Духи шамана, посланные им сопровождать табу, выражали шаману свое недовольство его задержкой в пути.

Духи кричали на шамана:

Алај, алај, алај кам!
Сактај, сактај, — сак полдым!
Саңыскан күрүүн сарт кäстiм!

Кäра јäрiң казындың-ба?
Кату аңажың чамындын-ба?

Шаман оправдывался перед духами, просил их не сердиться на него:

Кара јäрiң казынбадым,
Кату аңажым чамынбадым.
Аjлүдiң куунi күч полуп,

Ajlik полуп кабылып јättim;

Күндүдiң куунi күч полуп,

Күндүk полуп кабылып јättim.

Корлонбозор оксынбаңар,
Табучылар толучылар!

Произнося имя Кычкыл-хана «ак малдың адазы аյбыр јалду кан Кычкыл», шаман подходил к конюкам и толу; отделял два конюка и три толу и отдавал их духу Кычкыл-хану. В обращении к нему шаман говорил о пяти конюках и пяти толу, чтобы преувеличить свой дар:

Ак Мардың адазы.
Айбыр јалду кан Кычкыл,

Правое твое крыло распусти,
Левое твое крыло подожми!
Под белой ясностью,
Впереди белых туч,
Поспешно лети!
С шумом крылья расправь,
Где заметишь, там и догони,
Где увидишь, там и настигай.
Чистое мое толу, которое конь не
сможет поднять!

Голова толу видна,
Голова табу заметна.
Да дойдет мое благословение до
верхнего Ульгения!

Алай, алай, алай кам!
Ждали, ждали, заждались!
(От нечего делать) хвост сороки
я обрезал!
Черную землю, что ли, ты рыл?
Твердое дерево, что ли, ты тесал?

Черную землю я не рыл,
Твердое дерево я не тесал,
Людей, живущих под месяцем, жалко
было оставить,
На месячный срок задержавшись,
(теперь) я, мчась, пришел;
Людей, живущих под солнцем,
трудно было оставить,
На сутки задержавшись (теперь),
я, бушуя, несясь, (vas) настиг.
Не возмущайтесь, не порицайте,
Вы, сопровождающие табу и толу!

К отцу белого мар'a,
К хан-Кычкыл'у, имеющему гриву
жеребца,

Паш јакалу аңыр толу.
Тура јіктү тős көнөгім,

Әр алдымнаң јајалып кіргәр!

Паш јакалу аңыр толу,
Тәлкілдәгән пај сабам,
Көдүрмәлү көл тәпші,

Аңы Мардың адазына,
Аյбыр јалду кан Кычкылса,

Әр алдымнаң јајалы-отур!

Мәнчә полууп кабылы отур!
Көдүрмәлү көл тәпшім,

Көк пулутча көчүп кірзін!

Чистые толу о пяти воротах,
Берестяной көнök мой с попереч-
ным швом,

Вперед меня направляясь, вхо-
дите!

Чистое толу о пяти воротах,
Покачивающаяся богатая саба моя,
Озеро — сельница, предназначенная
для возношения,

К отцу белого мар'a
К хан-Кычкылу, имеющему гриву
жеребца,

Впереди меня, мужа, продвигай-
тесь!

Подобно мне мчитесь!
Моя озеро — сельница, предна-
значенная для возношения,

Подобно синему облаку пусть про-
двигается!

Шаман направлялся к главному духу ак Мардың адазы хан-Кычкыл'у — цели своего путешествия. У трех дверей жилища духа хан-Кычкыл'a шаман оставлял своих духов, спутников, разговаривал с привратниками хан-Кычкыл'a и, наконец, представлял перед самим духом, которому и показывал свой новый бубен. Происходил тот же разговор, который шаман только что имел с духом Тајлік-ханом.

Шаман также угощал Кычкыл-хана. Камлание Кычкыл-хану повторял камлание ак Mar'y; Tajlík-хану.

Закончив переговоры с духом Кычкыл-ханом, шаман выходил из его жилища и призывал опять духа гуся, на котором он и отправлялся в обратный путь. Шаман объяснял гусю, что он возвращается теперь домой. Он пел:

Оң кајадың јаја сал,
Сол канадың кыма сал!
Ак ајастың алды мынаң,

Ак пулуттуң мурду мынаң,
Капшыңајла кабылы отур,
Калбыракка тартыбы отур,

Аланчыңым ак јалдымы,

Сәcіс қыjын тóрт толукка!

Правое крыло твоё расправь,
Левое крыло твоё прижми.
Под белой ясностью — лазурью
неба,

Впереди белых облаков
Быстро лети.
Распрострай твои крылья и напра-
вляйся

К белому пламени моей юрты
(аланчика),
К восьми срубам — четырем углам
(т. е. к дому).

Шаман долго вертелся — это означало, что он возвращался теперь назад.

По дороге домой шаман проходил в обратном порядке все этапы, через которые он пришел к Кычкыл-хану. Он миновал владения ак мар'a, шел по опустошенным им стойбищам узёт'ов и доходил до разделения путей семнадцати ханов. Он јæттi

канның жаралыш жәр. Он подходил к самому отдаленному јыбыш'ялам Прас ічтәр и сообщал ему о том, что он возвращался теперь домой от Кычкыл-хана:

Сырык ѫтпәс таш көнök!

Анäm Прас ічтәр!

Айбыр ѫалбу кан-Кычкылдың,

Аланчыбым ак ѫалдым,

Сäçis кыjын тöрт толукка,

Мäн сабылып пар-јадым

Эти же слова шаман повторял и остальным восьми јаýык'ам, владения которых он проходил.

Пройдя последний јаýык — наиболее близкий к улусу Чолухой — јүрәкәj, шаман в последний раз вертелся и, стоя посреди дома, обращался к духу-гусю. Шаман отпускал его, говоря:

Jaýyk кäчсä јaңылбас,

Jaңы ала Чымар кас!

Ädil кäчсä äрекпäc,

Äägi ала Чымар кас!

Сүт ак кёлдән суңатал,

Сүрун тууданjämäatal.

Карылұса көрүнбä,

Камчылұса түжүрбä!

Каменный кёнök, до дна которого не достает жердь!

Течение матери моей Мрассы!

От хана-Кычкыла, имеющего граву жеребца,

К белому пламени моего аланчыка (юрты),

К восьми обрубам четырех углов,

Я с шумом назад мчусь

Если он пролетает над разливом (реки Урал), он не съется с пути,
О, пестрощекий мой гусь Чымар!
Когда он пролетает Волгу, он не затоскует,

Краснощекий мой гусь, Чымар!
Из молочного белого озера пей,
С горы Сүрүн бери себе пищу!
Не показывайся имеющему руки,
Не являйся во сне имеющему

плеть.¹

Затем шаман направлялся к двери и садился там на корточки лицом к порогу. Шаману сразу же откликался хозяин порога, называя свое собственное имя: —

äйтү, äйтү, кара кёöш!

Äайте, äайте, Кара Гёöш! —

и спрашивал шамана об его путешествии к Кычкыл-хану:

Кан äжигi кат полды-ба?

Дверь хана плотно запертой не была ли?

Пij äжигi пäк полды-ба?

Дверь начальника недоступной не была ли?

Кан јарбызын алдын-ба, кам?

Приговор — решение хана получил кам?

Шаман отвечал:

Кан äжигi кат полюон јак.

Пij äжигi пäк полюон юк!

Кан јарбызын албандi-j-miñ!

Дверь хана недоступной не была, Дверь начальника крепкой не была! Приговор хана как будто бы я взял!

¹ Т. е. даже во сне никому не являйся, кроме меня.

Ајна пазар јолына.
Алты чулқанып јадып кал!

Ајна јолын пош пәрбә!

На дороге, где ходит айна,
Оставайся лежать, в шесть раз
свернувшись!
Доступа (в этот дом) злому духу
не давай!

Шаман вставал и шел в передний угол. Там он садился на свое обычное место на скамейку.

Шаман отпускал своих тёс'ов, говоря:

Јардым паскан јаш ўландар,

Наступившие на мои плечи молодые
ребята,

Іінім поскан äр ўлустар,
Туулар, туулар паштарына.
Jälä, jälä појлорына

Давившие мои плечи мужи,
На вершинах гор,
На хребтах вереницей тянущихся

Кыјма кыльыш тудун турғар,
Кірмә кіріш тартын турғар!
Кычырғаным сәк уңуғар!

гор,

Лунообразный меч держа, стойте,

Крученую тетиву натягивая, стойте!

Ожидая зова моего, чутко вслуши-

вайтесь, прислушивайтесь!

Кыјырғаным јәп уңуғар!

Крик мой тотчас услышать будьте
готовы!

Шаман переставал ударять в бубен, — он держал колотушку так, что она висела на ремне у него, на пальце. Шаман щелкал три раза по коже бубна. Засовывал колотушку за рукоятку бубна, а бубен ставил в угол на скамейку, сплошной разрисованной стороной к стене. Шаман несколько раз зевал. Ему подавали јän кёнök — небольшой туяс с абырткой, привязанный к большому кёнök'у — туясу. Из него шаман кропил абырткой хозяина порога (позою) и еще раз обращался к нему:

Aj каразы јорукту,

Имеющий промысел на ущербе
месяца,

Aju пашмак öдүктү,
Tүн каразы јарукту,
Tүктү пашмак öдүктү!
Алтон ају тәрәзі,
Ajak учка јатпәйтән,
Jätton ају тәрәзі,
Jän, учуна јатпәйтән,
Kärä соём ајулу,
Käzik пычкак тырмакту,
Адазынаң күчтү туңан,
Адам күчтү, Кајракан,

В башмаках из медвежьих шкур,
Имеющий промысел в темноте ночи,

Имеющий шерстистые башмаки!

Шестьдесят медвежьих шкур
Нехватает тебе на конец ноги,

Семьдесят медвежьих шкур

Нехватает тебе на конец рукава.

Имеющий зубы с сажень,

Имеющий когти с обрубок ноги,

Родившийся сильнее своего отца,
Отец мой, наделенный силой, уважа-

емый,

Үч äжіктү кара Гёöш-кан!

Имеющий три двери Черный
Гёöш-кан!

Шаману подавали трубку и он курил. На этом заканчивалось камлание с новым бубном.

III

Такое же камлание Кычкыл-хану шаман должен был совершать каждый раз, когда он обменивал свой старый бубен на новый.

Как мы говорили выше, по некогда существовавшим представлениям телеутов, духи при выборе нового шамана определяли ему точно количество бубнов, которое он сможет иметь в продолжение своей жизни. Число назначаемых для каждого шамана бубнов неодинаково: оно колеблется от трех до двенадцати.

Шаман сам решал, когда ему обновить свой бубен. Он просил сделать ему новый бубен обычно тогда, когда старый, в результате длительного употребления, уже изнашивался. В случае задержки с заменой старого бубна новым, духи, по словам шаманов, напоминали, что пришло время получить новый бубен. Обычно шаманы старались не часто менять бубен, так как по существовавшим представлениям число бубнов определяет продолжительность жизни шамана. Каждый из числа назначенных — предоставленных ему духами бубнов шаман „показывает Кычкыл-хану“, т. е. при каждом таком обновлении бубна совершалась та же сложная процедура, что и при получении первого бубна. Как мы говорили выше, от старого бубна шаман оставлял лишь металлические части кіріш — железную горизонтальную перекладину, с подвесками, и рукоятку. Остов бубна (обечайка и кожа) изготавлялся заново. Заново же наносились рисунки. Новый бубен должен быть точно таким же, каким был старый.

Бывали случаи, когда шаман, боясь, что ему мало будет того числа бубнов, которое ему предоставили духи, делал себе при изнашивании старого бубна новый бубен, тайком от духов.

В этом случае шаман никому не объявлял об этом, бубен ему делали близкие тайно. Никаких торжественных камланий не происходило. Шаман не шел показывать этот „незаконный“ бубен и Кычкыл-хану.

Со смертью шамана „кончает жизнь“ и его бубен: внешне это выражалось в том, что кожа бубна прорезалась ножом.

После похорон шамана кто-либо из присутствующих (не обязательно родственник) прорезал ножом кожу бубна и относил его куда-нибудь подальше от улуса. Он вешал бубен на дерево, произнося следующие слова:

Алты өркөштү ak аданды,
Ада кајынса iil jat!
Алтын туу
Он јатті канның тарам ѡлбø чачыл
jat!

Шестигорбый белый бубен
На пестрой березе висит,
Золотые ленты — знамена —
По пути, где разделяются дороги
семнадцати ханов, рассыпаются

Затем человек, разрезавший бубен, произносил имена всех јајык'ов, владения которых расположены по пути к тому месту, где расходятся дороги семнадцати ханов он јатті канның јачылышка ончо канның тарам ѡлбø. Этот человек говорил, обращаясь к бубну:

Алты өркөштү ak адам,
Кан ѡолына каңылбаj јазың,
Ала кајынса iil јазың!
Алтын туу јус ѡолуна ужалбаj
Он јатті каным тарам ѡлбø чачыл
jажың!

Шестигорбый белый бубен,
По дороге хана ты (больше) не
мчишься,
На пестрой березе ты (теперь) под-
вешен,
Золотые ленты, на пути духов јар-
жол вы больше не мнитесь,
На пути расхождения дорог сем-
надцати ханов (теперь) вы раз-
веяны — разбросаны!

В отдельных семьях после смерти шамана родичи оставляли рукоятку от его бубна чалу и присоединяли к другим культовым предметам, хранящимся дома. С этой рукояткой связывалось представление о покровительстве умершего шамана и наследственной передаче его дара (рукоятка мыслилась предком шамана). Она хранилась годами и неизменно переходила, вместе с другими изображениями духов (ämägändär'ами, älä-käläp'ами), — изображениями духов предков — женщин, күрмүш'ем — покровителем дома, канаттулар'ами — покровителями охотничьего промысла, — от отца к младшему сыну, обычно наследовавшему дом отца.

Рис. 10. Рукоять бубна

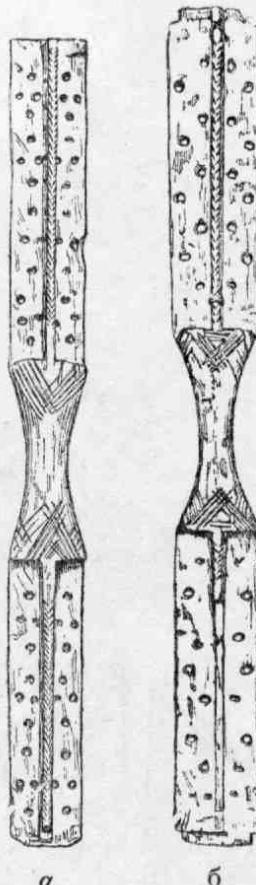
№ 3974-193 $\frac{e}{2}$ 1.

Рис. 11. а, б. Рукоять № 5063-4.

№ 5063-4.

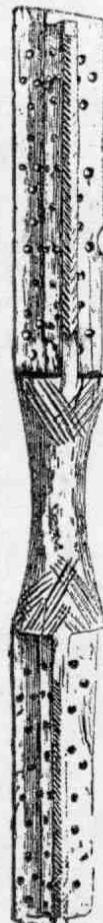

Рис. 12. Рукоять

№ 5063-5.

№ 3974-193 $\frac{e}{2}$ 1 чалу — рукоять бубна, изображающая предка шамана. Длина — 27 см, ширина 5 см, толщина 3.5 см (рис. 10).

№ 5063-4 чалу — рукоять бубна. Длина 69 см, толщина 6.5 см (рис. 11).

№ 5063-5 чалу — рукоять бубна. Длина 71 см, ширина 8.5 см, толщина 6.1 см (рис. 12).

Кроме того, в память умерших предков шаманов изготавливали маленькие деревянные бубны, стараясь сделать их возможно больше похожими на настоящие шаманские бубны.

№ 2334-98-1. Маленький бубен состоит из деревянного ободка (ширина 1.5 см, окружность 38 см), скрепленного веревочкой, и из двух перекладин, крестовины вертикальной (длиной 12.5 см) и горизонтальной (длиной 9 см). Диаметр бубна — по вертикали 13.5 см, по горизонтали 9.5 см (рис. 13).

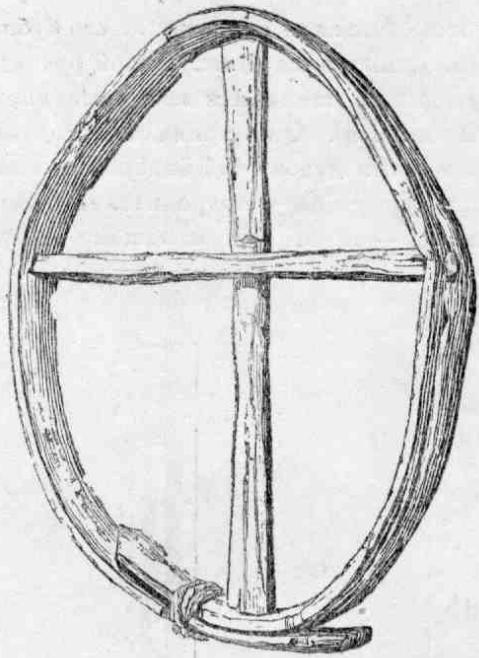

Рис. 13. Маленький бубен № 2334-98-1.

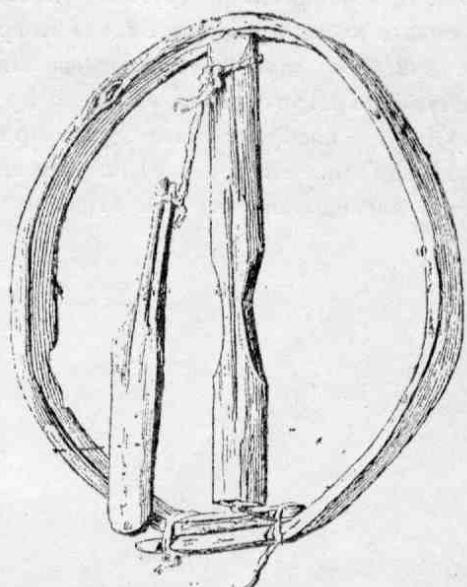

Рис. 14. Бубен с колотушкой № 2334-98к.

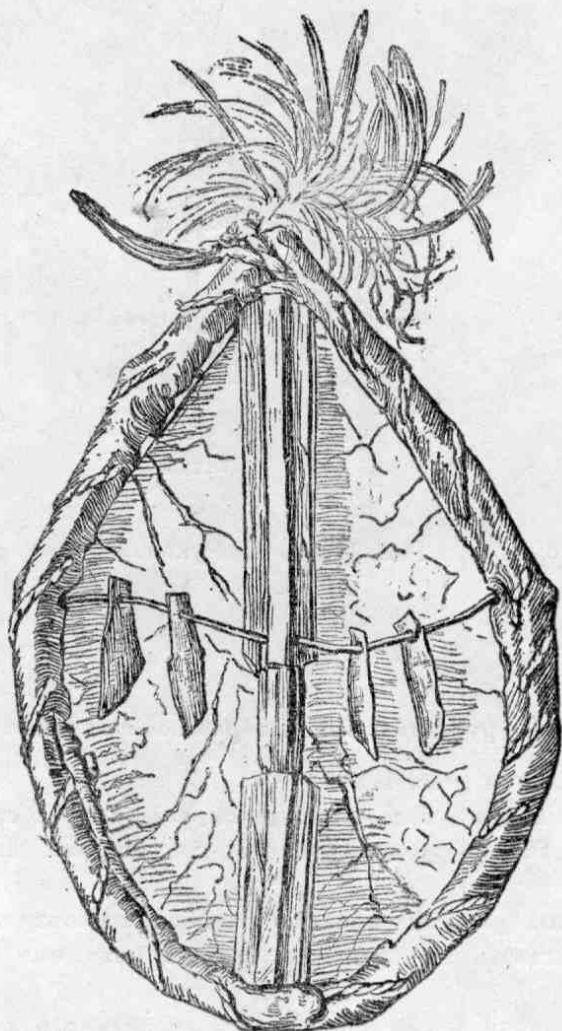

Рис. 15. Бубен № 3974-197ав.

№ 2334-98к. Маленький бубен состоит из деревянного ободка (ширина 1 см; окружность 34 см), скрепленного в двух местах бечевкой, и вертикальной, суживающейся посередине поперечины (ширина 1 см; длина 9.5 см). К поперечине с помощью веревочки прикреплена деревянная палочка с суживающимся концом (длина — 7.5 см), имитирующая колотушку от бубна „орбу“ (рис. 14).

№ 3974-197ав. Маленький бубен, состоит из деревянного ободка, обтянутого кожей, и поперечной рукоятки, суживающейся посередине и имеющей по вертикали выступ. По форме перекладина соответствует перекладине большого бубна (рис. 10 и 11); сквозь перекладину продета проволока, повторяющая кіріш — „тетиву“ — большого бубна (рис. 1 и 3). Она упирается во внутреннюю

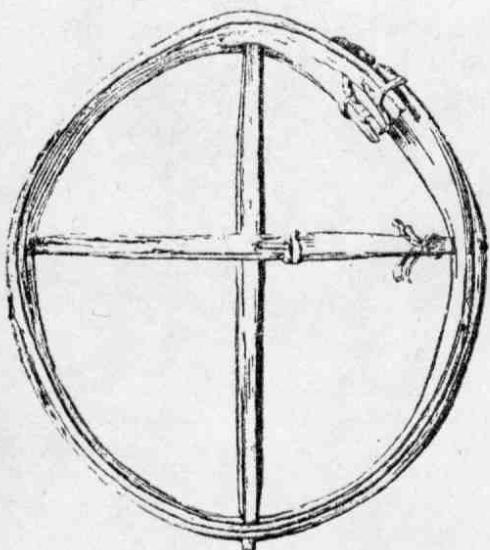

Рис. 16. Бубен № 5063-26.

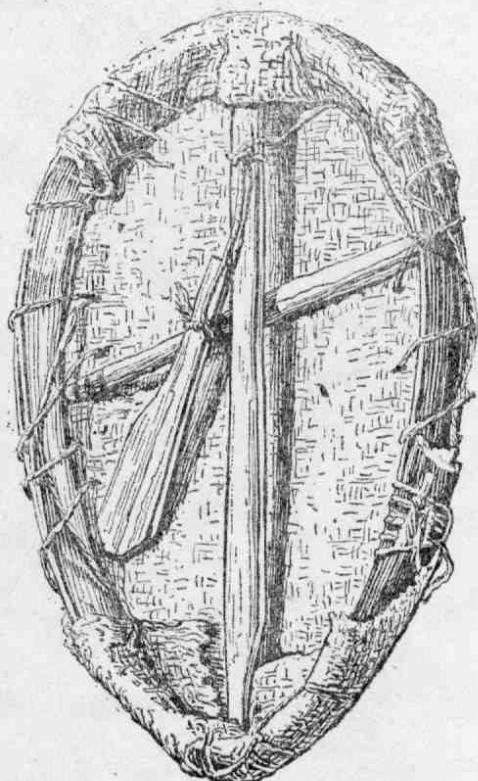

Рис. 17. Бубен № 5063-27.

сторону обечайки и имеет две железные привески. К верхнему краю бубна прикреплены перья (такие же перья прикрепляются к матерчатым изображениям эмегендер'ов) (рис. 15).

№ 5063-26. Маленький бубен (форма неправильного круга) состоит из обечайки, скрепленной в одном месте бечевкой, и двух перекладин. Вертикальная перекладина представляет собой рукоять бубна, горизонтальная кіріш — „тетиву“ бубна (рис. 1 и 3). Окружность бубна 33 см, ширина обечайки 2 см, длина вертикальной палочки — рукояти — 11 см, длина горизонтальной палочки — кіріш'a — 9.5 см (рис. 17).

№ 5063-27. Маленький бубен (яйцевидной формы) состоит из обечайки, на которую натянут и к которой прикреплен тоненькой бечевкой холст, и двух перекрещающихся палочек, изображающих рукоять бубна (вертикальная) и кіріш бубна (горизонтальная). К вертикальной палочке — рукоятке бубна — привязана на тонкой бечевке лопатообразная палочка, должна изображать колотушку бубна „орбу“. Окружность бубна 32 см, ширина 12 см, длина горизонтальной палочки кіріш'a 8 см, длина палочки — колотушки — 5 см (рис. 17).

Эти маленькие бубны чалу хранились, так же как и рукоятки от бубнов, вместе с другими предметами культа и, в частности, вместе

с эменгедерами — женскими духами-предками.¹ Эти бубны и рассматривались телеутами как бубны эмегендеров, т. е. их предков — женщин. Эмегендеры и энекелеры, говорили телеуты, не все, конечно, были шаманками, но среди них, несомненно, должны были быть шаманки; вот почему и делали в память их маленькие бубны; это — бубны эмегендеров.

Убеждение телеутов в том, что среди эмегендеров — их женщин предков — были шаманки, лишний раз указывает на то, что шаманство своими корнями восходит к материнскому роду.

¹ См.: Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. *Духи „ämägändär-örökönnöör“*. Сб. памяти Богораза, 1937, стр. 123.